



*Искорка* ★ ★ ★ ★ ★







Год издания XI

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К

газеты «Ленинские искры» — орган  
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,  
Ленинградского Совета пионерской  
организации имени В. И. Ленина

№ 4

Апрель 1967 г.

О. Бешенковская

## День рождения

*А мы пургу дыханьем грели,  
Себя надеждой веселя:  
Как ни крути, вокруг апреля  
Ещё закрутится земля.  
Апрель недолго ждать заставил:  
Принёс в поля зелёный штиль,  
Потом поплыл без всяких*

*правил,*

*Предпочитая вольный стиль.  
Сперва в Ульяновск ненадолго,  
Потом, наладив птичий лёт,  
Наперекор течению Волги  
До Ленинграда вздыбил лёд.  
Он будит площади, проспекты,  
Что носят имя Ильича,  
И улыбается рассветно,  
Шагами землю горяча.  
Апрель, апрель, он всё такой же!  
Он не становится старей.  
И листья лезут вон из кожи,  
Чтоб на него взглянуть скорей,  
И небо синью молодеет  
И яхты в море расцвели.  
Апрель — он весь как день*

*рожденья*

*Бессмертно-праздничной земли.*



Рис. В. Адаева

# На нашей улице

*(Невыдуманная история)*

В Ораниенбауме средних школ не было. Вот и приходилось нам с Лёвкой каждый день ездить в гимназию в Петергоф. На поезде. Туда и обратно. Туда и обратно.

И с некоторых пор стали мы вдруг с Лёвкой замечать, что как только войдём в вагон — обязательно там дядька сидит. В английском полувоенном костюме. Сидит и делает вид, будто читает газету. Даже губами шевелит. А сам поверх газеты глазами по вагону шарит.

На нас он, конечно, ноль внимания. Но мы-то давно раскусили, что это за тип. Ясно — выслеживает кого-то!..

Время было боевое, революционное. Шёл 1917 год. Везде собрания, митинги, демонстрации.

— Ты вчера в манеже был? — спрашивает меня Лёвка. — Брешко-Брешковскую слушал?

— Был, — говорю. А сам на этого шпика поглядываю.

Шпики-то я не боюсь, но всё же... Ведь если с Лёвкой на революционную тему заспоришь — он же на весь вагон кричать начнёт. Всё ему доложи: кто выступал от большевиков, кто от меньше-

виков, кто от эсеров, какой стоял вопрос...

Лёвка у нас в гимназии был самым революционным. Ещё при старом режиме он во всякие царские праздники всегда с церковной службы смывался. То больным прикинется, то ещё что-нибудь выдумает.

Однажды посетила гимназию императрица-мать Мария Фёдоровна. Как раз, когда наши войска из Пруссии отступали. Ну вот, обошла она все классы и у нас на уроке изящной словесности целый час просидела.

На следующее утро подсказывает к её стулу Костя Лубко, сын городского, и давай этот стул лентами разукрашивать.

— Ребята! — кричит. — Договоримся — на стул не садиться! Пусть останется в память высочайшего посещения.

А Лёвка — ха-ха-ха!

— Ты ещё, — кричит, — сходи туалет укрась! Может, её величество и там были.

Костя словно варёный рак сделался.

— Учти! — шипит. — Добирутсь ещё до тебя. Понял?

Я думал — драка будет. Но ничего не случилось. Лёв-

ка был выдержанным человеком. А Костя, наверное, решил ждать удобного случая.

Потом на Лёвкиной парте кто-то вырезал слово «хам». Теперь-то уж наверняка должна была быть драка. Но Лёвка и тут промолчал. Я его прямо не узнавал. Что это с Лёвкой? Самый революционный у нас человек, а боится сына городского?.. И все так решили, что боится.

Но, оказалось, что дело в другом. Я как-то случайно узнал, что Лёвкин отец посещает тайные кружки. Он был большевиком. Вот Лёвка из-за него, значит, и притих. Чтобы отцу чем-нибудь случайно не повредить.

А тут как раз — Февральская революция. Наш Орани-

енбаум оказался в центре событий. Пулемётный полк и морская школа ушли в Петроград свергать царский режим. Из нашей гимназии вытаскивали царские портреты. На Кронштадтской горели магазины купца Алексеева.

Лёвка как угорелый носился по городу. Везде ему надо было поспеть, всё самому увидеть.

Как-то вечером прибежал он ко мне с пачками листовок.

— Пошли расклеивать, — говорит. — Папа просил.

Мне — что! Помочь нетрудно.

Но после июльских событий расклеивать листовки стало опасно. Вооружённые юнкера рыскали по городу,



разыскивая участников демонстрации. Тут ещё Лёвкин отец сказал, что в Кронштадте и у нас в Ораниенбауме снуют шпики, ищут Ленина.

Тогда-то мы и заметили этого типа. Он не только в вагоне, он и по городу ходил. То в защитном английском френче, то в морском кителе, то под дачника одевался.

Вот и сейчас: только мы в вагон — и он тут как тут. Явно за кем-то следит. Как раз в углу вагона, куда он смотрел, сидел дяденька, очень похожий на Чехова, и тоже держал в руках газету. Я твёрдо решил, что это несомненно революционер, которого выследил шпики. И мне пришлось в голову отвлечь шпики на себя. Шёпотом, но так, чтоб слышал этот господин, я сказал Лёвке:

— Удастся ли мне до вечера передать Ленину эту бумагу? Вдруг на Красном пруду лодки не окажется? А он ждёт.

Дядька даже газету опустил, а Лёвка — трах меня по ноге ботинком:

— Ты дурак! Болтун!

Лёвкины слова, видимо, окончательно убедили господина в подлинности моих сведений. Он сложил газету и стал неотрывно следить за мной.

Мы вышли в тамбур. В Ораниенбауме метеорами выскочили на платформу. Рванулись на Петербургскую, потом на Дворцовый проспект. Возле «Венеции» я оглянулся: хорошо! Господин впри-

прыжку за нами следует. Переулочком поднялись на Еленинскую, немного передохнули, побежали к Военному переулку. А там какая-то демонстрация шествует. С иконами, с крестами.

Мы тут же в кучу затесались. Идём. У самого спуска к Дворцовому проспекту сотни зевак стоят, любуются. Мы с Лёвкой — за спины любопытных и спрятались за акациями.

— Дурак! — зашипел на меня Лёвка. — Я такого болвана ещё не встречал. К чему сморозил такую чушь?

— Так он же мог там одного дяденьку схватить, в вагоне.

— А ты ничего другого придумать не мог? А если Ленин и на самом деле скрывается у нас в Ораниенбауме, тогда как?..

Я возвращался домой совершенно расстроенным. Из головы не выходила мысль: «А вдруг и на самом деле Ленин в Ораниенбауме? Тогда кто я после этого?»

На следующий день на улицу я не выходил. Дома сидел.

— В городе появились какие-то конные, — сказала мать. — Всё время юнкера патрулируют. Сыщики шляются. Пошла за Красный пруд на огород, меня какой-то штатский остановил. Юнкера подошли. Осмотрели узелок, отпустили.

Когда начало смеркаться, ко мне пришёл Лёвка:

— Слышал? У нас обыск был. Отца, правда, не трону-

ли, но все бумаги перерыли. Ну я им теперь задам задачку! Настоящую! Пошли!

Мы вышли на Еленинскую.

— Иди сюда! — потащил меня Лёвка за акацию. — Читай!

Уже смеркалось, но прочесть слова на табличке не стоило никакого труда.

— Ну и что! Тысячи раз читал. «Еленинская»...

— Еленинская, — хмыкнул Лёвка. — А если первую букву стереть? Тогда что?

Вот это да!.. Ну и молодец же Лёвка! Придумал так придумал!

— Поддерживай меня! — шепчет. Я подставил плечо.

Лёвка подтянулся по ажурной обшивке стены и соскрёб ножом первую букву. Спрыгнув на землю, долго любовался своей работой.

— Ленинская, — прошептал он.

— Ленинская, — повторил я.

Мы шли от дома к дому, карабкались по углам и везде стирали первую букву. На моих плечах Лёвка оставил немало дорожной пыли.

На следующий день, как раз в воскресенье, мы специально прошли по улице, чтобы узнать, как городские власти отнесутся к нашему новшеству.

Возле углового здания, где раньше жил градоначальник, какой-то железнодорожник сказал нам:

— Видали — Ленинская?

Мы прошли дальше. Везде таблички оставались нетро-



нутыми. У трехэтажного дома, где прохаживался охранник, я громко сказал Лёвке:

— Смотри — улицу переименовали! Теперь — Ленинская!

Охранник, франтоватый парень, лениво оглянулся, равнодушно произнёс:

— Значит, так надо!

Недели через две мы с Лёвкой прогуливались возле городской управы.

Вдруг из ворот пожарной команды выскочили конные повозки и понеслись в гору.

Возле нас повозка с бочкой остановилась. Пожарник соскочил на булыжник, стал затягивать на хомуте супонь.

— Где пожар? Не у нас ли, господи упаси? — спросила у пожарника старуха, одетая во всё чёрное.

— На Ленинской, — неохотно ответил пожарник. — Дача Фёдорова горит.

— На Еленинской? — выговаривая каждую букву, переспросила бабка.

— На Ленинской! — старательно повторил пожарник.

Мы с Лёвкой переглянулись и от радости вдруг захохотали.

— Что смешного?! — возмутилась бабка. — Добро горит, а они хохочут.

Ей было невдомёк, что нас радовало тогда.

Повсеместно разыскивают Ленина, снуют ищeyки, а у нас в Ораниенбауме появилась улица Ленина, и люди привыкают называть её по-новому!

\* ~~~~~ \*

М. Ольшанский

## Г р а ч

Птица строгая на вид.  
Взгляд серьёзен и сердит...  
Прилетит он,  
всё проверит:  
как готовы люди, звери,  
беспокойна ли река,  
и светлы ли облака,  
как здоровье тополей,  
как дыхание у полей,  
как грохочут трактора?..  
А потом решит:  
«Пора!»  
А до этого —  
хоть плачь —  
нет весны,  
покуда грач  
не пройдёт по полю,  
клювом землю пробуя.



Рис. Г. Ясинского



## Ленинский броневик



В Ленинграде на улице Халтурина высятся строго-величавый дворец. Его построили почти двести лет назад. Главным строительным материалом для дворца был мрамор. Более тридцати видов этого камня, добытого не только в нашей стране, но и в зарубежных государствах, доставили на берег Невы. Когда дворец был наконец построен, его назвали Мраморным.

Теперь в величественных залах Мраморного дворца находится один из наиболее посещаемых музеев Ленинграда. Это — филиал Центрального музея Владимира Ильича Ленина. Идешь из зала в зал, и тысячи экспонатов рассказывают о жизни и борьбе великого революционера. На стенах висят картины знаменитых художников, исторические документы и фотографии. В застекленных витринах — личные вещи Ильича. В одном из залов собраны сочинения вождя, изданные на десятках языков. Тысячи и тысячи дорогих экспонатов.

И всё же для одной особо драгоценной реликвии не нашлось места под крышей Мраморного дворца. Слишком велика она для того, чтобы пройти через двери музея.

Те, кто бывал в Ленинградском музее Ленина, догадались уже, о ка-

ком экспонате идёт речь. Это знаменитый ленинский броневик, с башни которого возвратившийся из эмиграции Владимир Ильич пятьдесят лет назад произнёс первые слова революционного приветствия рабочим и солдатам красного Петрограда.

Броневик этот вместе с другими, такими же, прибыл в Россию из Англии. Но оттуда доставили машины не целиком, а лишь их шасси и ходовые части. Стальную «одежду» они получили на одном из старейших русских заводов — Ижорском. На каждом броневике было установлено по два пулемёта. Броня была надёжной, никакие пули в те времена не могли пробить её.

Части, в которых на вооружении находились эти машины, назывались броневыми дивизионами.

Владимир Ильич Ленин и многие другие революционеры в то время находились в эмиграции, за границей. Узнав о революционных событиях в Петрограде, они сразу же собрались домой, на родину. Долго и нелегко был их путь.

Наконец в Петрограде стало известно, что Ленин прибывает 3 апреля 1917 года (по старому стилю). Как раз в это время праздновали пасху. Заводы не работали, не ходил трамвай, не вышли даже газеты.

И всё же весть о том, что приезжает вождь большевистской партии, с быстрой молнии разнеслась по красному Питеру.

...Поезд, в котором ехал Ленин, должен был прибыть на Финляндский вокзал поздно вечером. Но, не смотря на это, делегации рабочих шли пешком через весь город к Финляндскому вокзалу, чтобы встретить Ильича. Привокзальная площадь была запружена. Возвышались башни броневиков. Это бойцы броневозного дивизиона, пожелавшие встретить вождя, прибыли к Финляндскому вокзалу вместе со своими боевыми машинами. Немало было тогда врагов у большевиков, — броневики могли пригодиться, чтобы поддержать революционный порядок.

Над тёмной площадью дул с Невы холодный ветер. Но вдруг стало необыкновенно светло. Это включили прожекторы, ярко осветившие переполненную народом площадь. Встречавших пришло так много, что площадь не смогла вместить всех. Многие стояли и ждали появления Ленина на ближайших к вокзалу улицах.

Наконец стало известно, что поезд прибыл; Ленин с минуты на минуту должен был выйти из вокзала и предстать перед этим людским морем. У подъезда, около вокзальных ступеней, стоял броневик. Вряд ли в те минуты его водитель мог предполагать, какая счастливая судьба уготована его боевой машине.

Из вокзала, сопровождаемый встречавшими, вышел Ленин. Бурлившая площадь увидела его и сразу же загремела приветственными криками.

Ильич оглянулся. Нет ни трибуны, ни балкона, ни другого подходящего возвышения. И тут взгляд его скользнул по броневiku. Рабочие и солдаты сразу угадали мысль вождя, и чья-то сильная рука помогла Ленину взобраться на башню машины. Она-то и стала первой трибуной Ленина, с которой он обратился к революционным питерцам. У всех, кто находился тогда на площади, на всю жизнь вошёл в сердце образ Ильича, Освещённый прожекторами, в распахнутом пальто, с обнажённой

головой, радостный и взволнованный стоял он на стальной башне. Ленин поднял руку. Многолюдная площадь замерла. Не было тогда радиорепродукторов, а каждому хотелось услышать голос Ильича. Стало тихо-тихо.

Ленин говорил недолго. Это были слова боевого революционного призыва питерскому пролетариату. Каждое слово доходило до каждого сердца. И, заканчивая свою речь, Владимир Ильич бросил боевой клич: «Да здравствует социалистическая революция!..»

Какова же дальнейшая судьба броневика?

Послужив вождю трибуной для произнесения речи, он в ту же ночь доставил Ильича во дворец Кшесинской, где помещался штаб большевистской партии. У этого здания его потом видели не раз, — броневик нёс охрану.

Довелось ему участвовать и в штурме Зимнего дворца, в стенах которого нашло свой последний приют буржуазное Временное правительство. А когда к красному Петрограду подступили контрреволюционные банды генерала Краснова, а потом Юденича, броневик был в руках тех, кто своей кровью и жизнью отстаивал завоевания Великого Октября.

Закончилась гражданская война. Броневик некоторое время находился в Петропавловской крепости. Позднее его перевели в Артиллерийскую академию. Шли годы. В Красной Армии менялась боевая техника, бойцы получали новое вооружение. Старый броневик, отслуживший своё, был передан на один из учебных пунктов Общества содействия обороне страны. Тут перед призывом в Красную Армию обучалась молодёжь.

Но, видимо, уж совсем дряхлой стала машина. Вскоре списали её и отсюда. А куда? В этом-то и беда, что след исторического броневика потерялся.

Когда в Мраморном дворце открылся Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина, вспомнили о боевой машине, с башни которой выступал Ильич. Решили во

что бы то ни стало найти её. Начались поиски.

Это была долгая и трудная работа. В ней принимали участие и ветераны — бойцы броневоего дивизиона. Кому же, как не им, признать своего старого знакомого? Искали повсюду. В различных частях и подразделениях, в артиллерийских парках, в местах, куда свозили старое, непригодное вооружение.

И нашли. Но в каком виде! Время сделало своё разрушительное дело. Без ремонта было не обойтись. С большой радостью взялись ленинградские рабочие за реставрацию броневика. На «Красном треугольнике» сделали для него новые литые шины. Свежая краска покрыла стальную броню. И когда все работы были закончены, машину доставили к Мраморному дворцу. К тому време-

ни каменотёсы изготовили большой гранитный пьедестал. На него и поставили старую боевую машину. На граните укрепили памятную мраморную доску. На ней высечены слова, рассказывающие о броневике.

И теперь каждый, кто приходит в Музей Ленина, прежде всего останавливается перед броневиком. Отсюда начинается увлекательнейшее путешествие по музею, где в двадцати пяти залах — тысячи предметов, документов, картин рассказывают о жизни и революционной борьбе родного Ильича.

Нынче броневик «Враг капитала» — юбиляр. Ровно полвека назад возвратился на родину Владимир Ильич. И ровно пятьдесят лет назад этот броневик вошёл в историю революции.

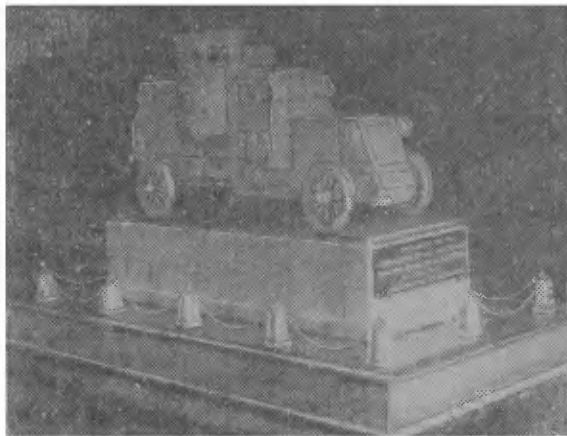


**И СНОВА** знакомый броневик. Маленькая копия «Врага капитала». Его настоящий боевой собрат стоит на левом берегу Невы, у входа в филиал Музея В. И. Ленина, а копия — на правом берегу, в Музее Октябрьской революции.

Маленький броневик принёс в музей Лев Александрович Вейдеман. Он сам сделал его. Выточил из кости.

Это была очень кропотливая работа. Взять хотя бы сто тридцать восемь маленьких изящных букв. Долгими днями приклеивал Лев Александрович малюсенькие заготовки к палочкам и, едва дыша, осторожно касался резцом. Буквы ломались. Он опять приклеивал, и опять точил.

А шестьсот звеньев цепочки! Их не вставишь одно в другое: они ведь не металлические! Цепочку приходилось вытачивать всю целиком из одного куска кости. На стенном календаре Лев Александрович каждый день ставил черточки: 5 штук, 6... И так три месяца.



Когда начался этот путь к мастерству? Давно. В годы войны. Три тяжёлых ранения приковали Льва Александровича к госпитальной койке.

Врачи сказали: «Ничего не делать! Лежать!»

Он лежал, изнывая от безделья. И руки, привычные к труду, празднично лежали на одеяле и тоже ныли. Руки просили работы...

Лев Александрович начал строить модель корабля. Одну, другую... И вот наконец его модель эсминца «Вице-адмирал Дрозд» получила в Москве диплом 1-й степени. На Международном конкурсе судомodelистов модель заняла второе место в мире.

Дерево подчинилось ему. Тонкие, изящные вещи стояли у него на полках. Но дерево не вечно. Трещины обезображивали корабли... Надо было искать материал, пусть более трудный, но долговечный.

И Лев Александрович нашёл, — кость. Этот материал вечен и прекрасен. Надо только увидеть в нём его «душу», нащупать, найти сокровенное.

...Он принёс свою первую модель из кости — лодку Емельянова — в Музей Революции. Сказал:

— Я хочу работать над ленинской темой. Буду делать броневик.

Он сделал его. В Музее Революции оценили работу: «Эрмитажная вещь!»

И встала в витрине музея модель легендарного броневика.

Т. ГЛАЗУНОВА

\*~~~~~\*

## Иосиф Курлат

### Родная земля

Я шёл по дороге,  
Я шёл по тропе,  
По стёжке и просто  
По влажной траве.  
По тропкам,  
По сопкам,  
На север и юг,  
На запад, восток,  
Напрямик и вокруг.  
Я шёл босиком  
И в больших сапогах,  
Я солнцем,  
Рекою  
И лесом пропах.  
Дорога манила  
Меня, веселя,  
Ведя от села  
До другого села.  
Валезник и сучья  
Таскал для костра,  
И песни с друзьями  
Я пел до утра.

По рощам,  
                    равнинам,  
Каньонам, буграм,  
Шагал я, открытый  
Дождям и ветрам.  
Грибами питался  
И ягоды ел.  
От пищи такой  
Хоть бы кто  
                    располнел!  
Зелёные ели  
Давали мне кров.  
Давил на лице я  
В тайге комаров.  
С зари до зари  
По дорогам пыля,  
Я понял: прекрасна  
Родная земля,  
Земля,  
За которую  
В грозном бою  
Коль надо, и жизнь  
Не жалеют свою!



Рис. В. Адаева

# ПАМЯТНИК ВОЖДЮ

Вздымаются каменные громады гор. Пенится и сверкает возле плотины вода. А когда в долину заглядывает солнце, его лучи раньше всего озаряют бронзового человека, стоящего на пьедестале.

Его узнаёшь сразу. У него коренастая фигура, энергичный жест руки, высокий лоб мыслителя, прищуренный взгляд. Это известный всему миру Владимир Ильич Ленин.

Памятнику на Земо - Авчальской гидроэлектростанции уже сорок лет. Он — один из первых монументов вождю в нашей стране. Создал его Иван Дмитриевич Шадр.

Имя Шадра известно сейчас далеко за пределами нашей страны. Но, наверно, не все знают, что настоящая фамилия скульптора — Иванов. Свой псевдоним скульптор взял из названия родного города — Шадринска на Урале. Там, в маленьком городке на берегу реки Исети проходило его детство. Вокруг города стояли леса. «Сосны — как мачты, — вспоминал скульптор, — все как одна, веками шепчутся вокруг города. В глубине их обнимают тёмным кольцом шумливые берёзы. В кружеве своего наряда они медленно качаются и склоняются до земли, как бы собирая цветы незабудок. Лето украшает их многоцветными монистами».

Семья, в которой рос будущий скульптор, была большой: двенадцать детей. Отец работал плотником. Жили бедно. Зимой дети хо-



дили на улицу поочерёдно, так как не хватало одежды. «Помню, — рассказывал Шадр, — как отец приходил с работы, появлялся с улицы в облаках холодной серой изморози. Стоя на пороге, окоченевшими пальцами выкручивал из окладистой бороды длинные ледяные «сосульки», кряхтя распоясывал ветхую одежонку и бросал её в угол. Усталый, тяжело опускался на скамейку за стол с

большой деревянной чашкой похлёбки и, ударив ложкой о край чашки, торжественно кричал: «Ну, босая команда, на вахту!»

Отец, жизнерадостный, добродушный человек, был искусным мастером. Он учил Ваню резать по дереву, рисовать. Но детство оборвалось рано: мальчик должен был сам начать работать. Ваню отдали «в люди».

Кем только не пришлось ему работать, — истопником, возчиком, грузчиком. Вырваться из этой жизни помогло искусство. Узнав, что в Екатеринбурге открылась художественно-промышленная школа, Ваня отправился туда. Рисунок орнамента, сделанный им на экзамене, принёс победу: его приняли. Скоро на него обратил внимание преподаватель школы — скульптор Залькалн, ученик известного французского скульптора Родена. Под руководством Залькална Шадр начал лепить с натуры. В школе держали для этого специальных «натурщиков»: утку, курицу, орла-беркута и журав-

ля. Журавля хорошо знали не только ученики, но и многие горожане, так как он часто бегал по улицам и бил клювом окна домов.

Годы занятий в школе совпали с событиями первой русской революции. В Екатеринбурге начались демонстрации. Ученики школы выходили на улицы с красными флагами и присоединялись к рабочим. Вместе с ними был и Шадр.

Большую известность получили в то время рассказы Горького. Все зачитывались его книгами. Примеру любимого писателя решил последовать и Шадр: он отправился странствовать по России. День сытый, два голодный, где пешком, где «зайцем» на поездах и пароходах, он побывал на Дону и Волге, на Кавказе и Украине. Осенью 1907 года попал в Петербург.

В Академию художеств поступить не удалось. Шадр оказался в чужом городе один. Без денег, без крова. Случай свёл его со стариком, обладателем шарманки и обезьяны. Вместе они зарабатывают на жизнь, выступая во дворах.

«С обезьянкой, полумёртвой от истощения и холода, носительницей чужого счастья на плечах, ходили мы по улицам Петербурга и под «Златые горы» я пел, — рассказывал Шадр. — Мой голос подслушал режиссёр императорского Александринского театра Дарский. Он привёл меня прямо с улицы на экзамен в Императорское театральное училище».

Шадр выдержал конкурс. Начал заниматься у выдающегося русского артиста Давыдова, который обнаружил у своего ученика не только великолепный голос, но и большие способности драматического актёра и декламатора. Одновременно Шадр посещал и школу Общества поощрения художеств. А через год он всё же остановил свой окончательный выбор на скульптуре. По рекомендации художников Репина, Рериха, артистов Давыдова и Дарского Шадр был направлен для продолжения занятий в Париж.

Октябрьская революция открыла новый путь перед Шадром. Скульптор верил, что теперь должны осуществиться его мечты о создании больших, величественных произведений, мечтал об искусстве, которое будет служить народу.

Новая жизнь рождала новых героев. В начале двадцатых годов на выпущенных тогда советских марках, деньгах и облигациях были напечатаны изображения рабочего, крестьянина, красноармейца. Эти ранние советские марки хорошо знают филателисты. Но история изображений на этих марках знакома далеко не всем.

Это были не просто гравюры-портреты, выполненные для марок. Это изображения скульптур Шадра. В 1922 году, приехав к себе на родину, на Урал, он собирал материал, лепил с натуры.

Шадр внимательно всматривался в своих земляков. Он видел уже не прежних измученных, забитых людей, а новых хозяев жизни. Богатырски крепким и сильным вылепил он бородатого крестьянина. Мысль озаряет лицо рабочего, всматривающегося вдаль. В его руках молот — символ мощи пролетариата. Воля и мужество — главные черты молодого красноармейца.

Эти скульптуры сейчас находятся в Третьяковской галерее. С них-то и были сделаны гравюры на первых советских марках.

Среди работ Шадра одна из самых выразительных — скульптура «Сеятель». Шагает по полю крестьянин. Разбрасывает семена из лукошка точно так, как сеяли хлеб его деды и прадеды. По старинке, вручную. Но в лице сеятеля, в уверенных движениях его рук чувствуется новая жизнь крестьянина — свободного, пробуждённого к активному труду.

В «Сеятеле» показан крестьянин Киприан Авдеев, которого скульптор лепил с натуры на Урале. Это был один из лучших «севачей» округа. Гравюра с этого портрета сеятеля воспроизведена на совет-

ских деньгах. Интересно, что прежде на деньгах печатали портреты царей. Новые деньги, с гравюрой «Сеятеля», расходясь по стране, сообщали всем, что власть в молодой республике принадлежит трудящимся.

В январе 1924 года страну облетела тяжёлая весть: умер Ленин. В те дни стояли сильные морозы. Но люди, казалось, забыли о холоде. Бесконечная очередь пришедших проститься с вождём вытиралась к Дому Союзов.

В это время правительство поручило Шадру выполнить с натуры портрет Ленина.

С глубоким волнением рассказывал впоследствии скульптор о работе над портретом Владимира Ильича. «Вот мой служебный пропуск, я храню его, как драгоценную память. Я вошёл в белоснежный Колонный зал. Хрустальные люстры, натянутые траурной кисеёй, поблескивали как слёзы. Склонённые красные знамёна, непрерывная тягучая людская лавина льётся, как из вулкана. Угрюмо... Молча...

...Справа — «старый и малый» — древний старик с седой бородой, ветеран Парижской коммуны. Рядом пионер, винтовка в руках вдвое выше его роста. Напротив меня, через гроб, венки с красной лентой и надписью на ней: «Прощай, друг», присланный с Капри от Горького.

Начал работать. Лепил в натуральную величину. Обласканная руками глина легко и послушно подчинялась моей воле...»

Двое суток, почти не отрываясь, работал Шадр в Колонном зале Дома Союзов. Образ вождя был запечатлён таким, каким остался он навсегда в памяти прощавшихся с Лениным в траурные январские дни.

Шадр уже завершил этот последний портрет Ленина с натуры, когда пришла новая мысль. Скульптору теперь хотелось показать Ильича другим — не в гробу среди цветов, а полным жизни, смеющимся, энергичным. Таким

Ильич всегда бывал при встречах с детьми.

Так возникла новая композиция: «Ленин и дети». Скульптор изобразил не просто ребят, но тех, кто продолжает дело революции — дело отцов. Он показал юных ленинцев — пионеров. Композиция называлась: «Ленин принимает парад юных пионеров». Владимир Ильич был изображён улыбающимся, приветствующим ребят. Из-под кепки глядели прищуренные ласковые ленинские глаза. Это было одно из первых в советском искусстве изображений Ленина с пионерами. К сожалению, эта скульптурная композиция осталась незаконченной, в стадии эскиза, и до нашего времени не сохранилась. Она была выполнена из глины, а глина, как известно, непрочный материал. Шадр не завершил работу над этой скульп-





Портрет скульптора И. Д. Шадр  
работы художника М. В. Нестерова.

турой, так как задумал тогда создание большого памятника Ленину и все силы отдал этому делу.

...Однажды на Шаболовской площади Москвы появилось невиданное сооружение. Прямо посредине площади выросли четыре высоких столба. Над ними соорудили навес. Вокруг — легкие раздвижные щиты. За этими стенами на высоком, почти четырнадцатиметровом, пьедестале стала расти огромная статуя. С каждым месяцем она приобретала всё более чёткие очертания. Лепил её один человек. Помощники только сделали каркас, готовили глину и подавали её вверх.

Этим скульптором был Шадр. Он вёл работу над моделью памятника. Фигура Ленина была задумана высокой, около одиннадцати метров, а общий размер с постаментом — двадцать пять метров. Ни одному из советских скульпторов не приходилось ещё создавать такое большое произведение!

Обычно над подобными скульптурами работают в каком-либо большом закрытом помещении, причём создаваемые статуи стоят на земле. Шадр поступил иначе. Статуя на земле выглядит по-другому, чем на высоком пьедестале. И он решил лепить её сразу на той высоте, на которой она должна будет стоять. Памятник предназначался для огромных просторов. Было очень важно знать, как он будет выглядеть издали. Для этого Шадр и придумал работать над статуей не в мастерской, а на площади.

Когда раздвигали стены-щиты, статуя оказывалась хорошо видной со всех сторон. Проверяя, как смотрится скульптура издали, Шадр применил небывалый способ. Отходя на большое расстояние, он тащил за собой телефон со шнуром в несколько сот метров, а потом издали сообщал по телефону своим помощникам о неудачных местах на одиннадцатиметровой статуе. Помощники делали пометки. Возвращаясь, Шадр вносил поправки, которые тут же снова проверял издали.

Наконец колоссальный труд был завершён. Отлитая из бронзы статуя Ленина установлена на Земо-Авчальской гидроэлектростанции в Грузии. Место выбрано не случайно, — ведь эта гидроэлектростанция была построена по ленинскому плану электрификации

*Там, где сливаясь шумят,  
Обнявшись, будто две сестры,  
Струи Арагвы и Куры...*

В этой красивой долине, недалеко от древней столицы Грузии — Мцхеты, у плотины, перекрывшей реку, возвышается величественная фигура вождя.

В. МАТАФОНОВ,  
кандидат искусствоведческих наук



## ЧТО ПОЛУЧИТСЯ

Я сижу  
И чуть не плачу —  
Не хочу решать задачу.  
Думаю,  
Думаю,  
Кто поймёт беду мою?  
Папа занят,  
Мама тоже,  
Брат задач решать не может,  
Арифметика ему  
Ни к чему!  
Потому что брату — год  
Он задачу не поймёт.  
Ну, а мне-то — надо!  
Вот досада...  
Арифметик я плохой,  
Занимаюсь чепухой:  
Если двести карасей  
Поделить на сто гусей —  
Что получится?  
Верблюд!  
Я пущу верблюда в пруд.  
Пускай плывёт,  
Как па-ро-ход.  
У верблюда — два горба.  
Пароходная труба,  
Гуди губой,  
Дыми трубой,  
Плыви,  
Ори,  
Пускай пузыри!

Плыть не хочется верблюду?  
Выручать верблюда буду —  
Прибавляю два крыла,  
Получаю что?  
Орла!  
У орла — два горба,  
Пароходная труба,  
В дали голубой  
Дыми трубой!  
Улететь орёл не сможет,  
Я его на льва помножу.  
Получаю петуха!  
Вот какая чепуха!  
Папа встал,  
Подожёл,  
Сказал:  
— Хорошо!  
Чепуха так чепуха,  
Наплюём на петуха,  
А возьмём-ка сына в руки  
И от сына вычтем брюки,  
К результату  
(Нам не лень)  
Мы приложим мой ремень.  
Что получим?  
Дай ответ. —  
Я сказал:  
— Ответа нет.  
Чем решать, что это значит,  
Лучше я решу задачи.





(ПЬЕСА)

**ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:**

АННА ИВАНОВНА — учительница математики.  
ОЛЕГ КУЗНЕЦОВ.  
АНЯ МЕЛЬНИКОВА.  
ВОЛОДЯ КЛИМОВ.  
ИГОРЬ ВЛАДИМИРЦЕВ.  
САНЯ КУКИН.  
ВИКА БОГАТЫРЁВА.  
ЛИЛЯ ИГНАТЬЕВА.  
ШОФЁР.  
СВЕТЛАНА СЕМЁНОВНА — учительница географии.  
СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ — директор школы.  
КСЕНИЯ МИХАЙЛОВНА — мать Игоря.  
ЮРА — журналист, сотрудник молодёжной газеты.

## ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

### Эпизод первый

Класс во время перемены. Поворотная доска. Дверь. Учительский стол. Несколько парт. Аня Мельникова и Володя Климов стоят у окна. Две подружки, Вика и Лиля, возле доски разучивают новое па-летки-енки. Игорь Владимиров сидит за партой. Возле него стоит Саня Кукин.

КУКИН (*требовательно*). Игорёк, дай списать!

ИГОРЕК. Не дам. Сейчас не могу.

КУКИН. Ну чего тебе, жалко?

Съем я твою тетрадь, что ли?

ИГОРЕК. Слушай, Кукин, ты что — всю жизнь будешь списывать? А если тебя в космос пошлют, например? А там списывать не у кого...

КУКИН. Да я и не хочу в космос.

ИГОРЕК. Да тебя и не пошлют.

КУКИН. Ну и всё. И тогда дай списать.

ИГОРЕК. Нет, Кукин, мне скоро в комсомол вступать, не могу.

КУКИН (*замахивается на Игорька*). Ладно, Игорёк, попомнишь... (*Отходит, кричит в сторону доски*). Эй, леткаеночки, дайте списать!

ВИКА (*продолжая танцевать*). Возьми в парте.

Приоткрывается дверь. Ребята, думая, что это учитель, разбегаются по местам. В класс врывается Олег Кузнецов.

ОЛЕГ. Дамы и господа! Гигантская новость! Сообщение ТАСС! (*Кукину*). Саня, списывай дальше, тебя это не касается.

КУКИН. Сам дурак!

ОЛЕГ (*торжественно и слегка иронически*). За хорошую учёбу и дисциплину в первом полугодии наш класс награждается... благодарностью...

Класс явно ожидал большего. Все уныло молчат. Лишь Игорёк негромко произносит: «Ура-а-а...»

...и десятидневным походом по Карельскому перешейку в летние каникулы!

Дружный вопль восторга. Вика и Лиля проходятся леткой-енкой до доски и обратно.

ОЛЕГ (*подождав, пока шум стихнет*). Саня, не волнуйся, тебя это не касается.

КУКИН (*угрюмо*). Почему не касается?

ОЛЕГ. Потому, что у тебя «двойки».

КУКИН. А у кого «двойки», тот не человек, что ли?

ОЛЕГ. Саня, от кого произошёл человек?

КУКИН. Ну от обезьяны...

ОЛЕГ. Так вот, ты ещё не произошёл.

Ребята в полном восторге. Олег — признанный остряк, и леткаеночки, например, начинают хихикать, едва только он откроет рот.

КУКИН (*пыхтит, не находя достойного ответа*). А ты сам дурак!

ИГОРЕК (*ревниво*). Кузнецов в своём репертуаре!

ОЛЕГ. Саня! Заступись!

Саня поднимается с места, подходит к Игорю, одной рукой придавливает его к парте, а другой даёт ему щелчка по затылку. Возвращается на место.

ИГОРЕК (*в бешенстве к Олегу*). Клоун ты и трус!

ОЛЕГ. Саня! Гений просит добавки.

Саня поднимается снова.

ИГОРЕК. А ты, Кукин, ответишь на совете дружины!

ОЛЕГ. Саня! Довольно. Гений — тоже человек.

Саня послушно садится на место. Дамы и господа! Но это ещё не всё. Шестой «б» тоже получил благодарность и... (*пауза*) и всё!

Бурная радость класса.

ОЛЕГ. Внимание! Начали! (*Поднимает руки, дирижируя*). Долой шестой...

ВСЕ. ...«бы»!

ОЛЕГ. Да здравствуем...

ВСЕ. ...мы!

ОЛЕГ. Потому что мы самые...

ВСЕ. ...смелые!

ОЛЕГ. Самые...

ВСЕ. ...весёлые!

ОЛЕГ. Самые...

ВСЕ. ...умные!

Эта похвала самим себе шутивая, но не слишком. В общем-то каждый считает, что так оно и есть на самом деле. Класс ведь действительно один из лучших в школе.



АННА ИВАНОВНА (открывая дверь). Ну что, горлопаны, уже пронохали?

ВСЕ. Здравствуйте, Анн Ванн!

АННА ИВАНОВНА. Здравствуйте. Садитесь.

ЛИЛЯ. Анна Ивановна, вы были когда-нибудь на Карельском перешейке?

АННА ИВАНОВНА. Была... В 1944 году. Искала, где мужа похоронили. Не нашла.

ВИКА. А грибов там много?

АННА ИВАНОВНА. Грибов? Не знаю. Наверное, много.

ОЛЕГ. Там слонов много! И все ходят со слонятами.

Оживление в классе.

АННА ИВАНОВНА. Ну, поехал, поехал... Остановись, Кузя. Достаньте новые тетради в клетку и напишите на обложке слово: «Алгебра».

ИГОРЕК. А вызывать не будете, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА. Сегодня не буду.

Известие о том, что опроса не будет, класс воспринимает спокойно: предмет Анны Ивановны знают хорошо. Лишь Саня Кукин переводит дух с явным облегчением.

АННА ИВАНОВНА. Что, Кукин, опять списать не успел?

КУКИН (мрачно). Да нет...

АННА ИВАНОВНА. Успел, что ли?

КУКИН. Успел.

ИГОРЕК. И совершенно напрасно. (В пространство.) Ведь всё равно Анна Ивановна замечает, когда списано.

АННА ИВАНОВНА (вздыхая). Эх, Кукин, Кукин...

КУКИН (поднимаясь). Я больше не буду...

АННА ИВАНОВНА. Да ведь будешь. В том-то и горе, что будешь. Сейчас-то хоть слушай как следует.

(Подходит к доске.) Раньше, когда нам нужно было сложить два числа, мы поступали так. (Пишет:  $2+3=5$ .) Теперь давайте заменим числа буквами. (Пишет.) Вместо двух подставим А, вместо трех подставим В. Получим: А плюс В равняется...

ОЛЕГ. «Эль»!

АННА ИВАНОВНА. Нет, не «эль», Кузнецов, а получим «цэ». (Дописывает на доске.)

ОЛЕГ. Неправильно, Анн Ванн! Если складывать «а» и «вэ», получится «эль».

АННА ИВАНОВНА. Я сказала «а» и «бэ», а не «вэ». Ты прекрасно знаешь, что в математике русское «вэ» читается как «бэ».

ОЛЕГ. Так то в математике, Анн Ванн. А у нас в классе «а» плюс «вэ» (показывает на парту, где сидят Аня Мельникова и Володя Климов.)

Только теперь, в сущности в первый раз, мы обращаем внимание на этих ребят. И только теперь класс начинает понимать, в чём дело.

значит: Аня плюс Володя, а равняется «эль» — значит любовь.

Все оборачиваются, смотря на Аню и Володю. По классу прокатывается смех. Аня сидит, уткнувшись в тетрадь. Володя поворачивается к Олегу и стучит пальцем по лбу. Это вызывает новый взрыв смеха.

АННА ИВАНОВНА (классу). Довольно веселиться.

Смех утихает.

А то будем ссориться!

Тишина.

Это неумная шутка, Кузнецов...

ИГОРЕК. Он умнее не умеет.

АННА ИВАНОВНА. Пожалуйста, не помогай мне, Игорь. Это нечестная шутка, Кузнецов. Ты должен извиниться.

ОЛЕГ. Извините, Анн Ванн.

АННА ИВАНОВНА. Не передо мной.

ОЛЕГ (с утрированным смирением). Извини, пожалуйста, Володя. И ты, Аня, прости меня, пожалуйста.

Снова по классу проносятся хихиканье.

АННА ИВАНОВНА (делая вид, что не замечает тона Олега). Вот и хорошо. Так чему же будет равно «а» плюс «бэ»?

ВСЕ (дружно). «Цэ»!  
АННА ИВАНОВНА. Вот и прекрасно. Пойдём дальше.

## Эпизод второй

Тот же класс. Никого нет. Доска исписана простейшими алгебраическими уравнениями. Звонит звонок. В класс вбегают ребята — те же, что и в первом эпизоде. Кукин по дороге хватает тетрадь с парты Игорёчка, плюхается на скамью и начинает лихорадочно писать. Остальные, сгрудившись возле парты Кузнецова, продолжают начатое на перемене обсуждение карельского похода.

ОЛЕГ. А рыба там знаете как клюёт! В одно место закинул — окунь, в другое закинул — щука, в третье закинул...

ИГОРЕК (всё, исходящее от Олега, он воспринимает скептически). Кит!

ОЛЕГ. Кит не рыба. Пора знать, ты же — отличник.

ИГОРЕК. Без тебя знаю.

ОЛЕГ. А знаешь — так помалкивай, когда старшие говорят.

ИГОРЕК. Это ты старший? Старший клоун!

ОЛЕГ (повелительно). Саня, заступись!

КУКИН (отрываясь от тетради). Я ему после урока дам. Сейчас некогда. Елизавета придёт, а у меня ещё не дописано.

ИГОРЕК. А правда, ребята, почему Елизавета Васильевна не идёт?

ОЛЕГ. А ты уже соскучился?

ИГОРЕК. Кузнецовское остроумие!

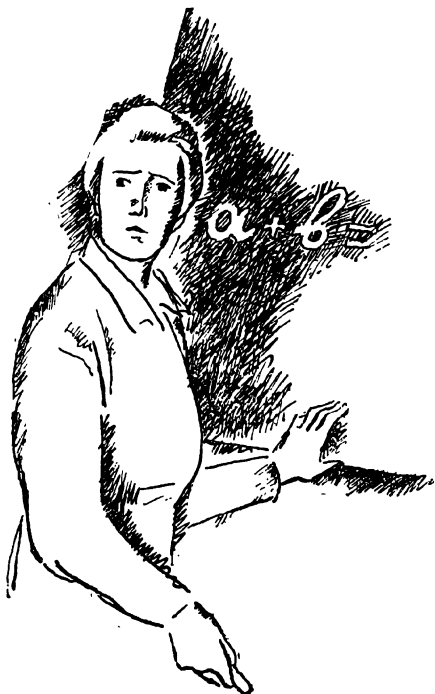
ВОЛОДЯ. А знаете, ребята... Если мы в поход пойдём, нужно подготовиться как следует. У моего брата товарищ — альпинист. Он... в общем... он всю зиму тренируется, а летом уезжает в горы.

ОЛЕГ. Вот у альпинистов палатки — законные! Памирки! Тёплые, лёгкие и ветра не пропускают. Слушай, Вовка, ты попроси у брата, чтобы он у товарища попросил палаточку. Мы с тобой в ней жить будем. Законно!

ЛИЛЯ. Ой, хочу памирочку!

ВОЛОДЯ. У него только одна.

ОЛЕГ. А нам с тобой больше и не надо!



ВОЛОДЯ. Там только один человек помещается, а два уже не влезут.

ОЛЕГ. А-а-а... Ну тогда всё. Тогда молчу. Тогда она и тебе не достанется.

ВОЛОДЯ. Почему? Может быть, он даст.

ОЛЕГ. Может быть, и даст. А у тебя её Мельникова попросит. А ты ей отдашь. Ты же ей всё отдаёшь, что она попросит. И палатку отдашь.

ВОЛОДЯ. Ничего она у меня не просит.

ОЛЕГ. Всё равно отдашь. (Скоротворкой, цитируя). «Для того, кого любишь, ничего не пожалеешь». Это ещё Пушкин говорил.

Все смеются. Смеётся и Игорёк, хотя он считает необходимым возразить Олегу.

ИГОРЕК. Пушкин этого не говорил.

ОЛЕГ. Я и говорю, что не говорил. Я просто говорю, что «любовь не картошка и её не выбросишь за окошко».

Снова все радостно хохочут. Володя не находит, что ответить. Он смущается.

АНЯ Глупо и неостроумно.

ИГОРЕК. Кузнецовские шутки!

ОЛЕГ (входя в роль классного балагура, вдохновляется). Что ты, Игорёк, какие тут шутки! Ещё Лермонтов говорил: «С любовью не шутят...»

ИГОРЕК (сквозь смех). Лермонтов этого не говорил.

ОЛЕГ. Я и не говорю, что Лермонтов говорил. Я говорю, что когда люди влюбляются, на них просто смотреть приятно. Они становятся такие радостные. Верно, Климов? Они смеются и танцуют. Климов, почему ты не смеёшься? И ещё вопрос. почему ты не танцуешь? Я бы на гвоём месте целый день танцевал. Леткаеночки, покажите-ка нам что-нибудь такое...

Вика и Лиля с готовностью вскакивают с места. Под всё усиливающийся смех класса они, сами давась от смеха, исполняют танец, заканчивающийся пародийным поцелуем. При этом поцелуе все оборачиваются к Ане и Володе, хотя и раньше поглядывали в их сторону, интересуясь их реакцией.

КУКИН. Во дают!

Володя вскакивает с места и с ненавистью смотрит на Олега.

ОЛЕГ (невинным тоном). Ты чего, Володя?

ВОЛОДЯ. Ничего. (Садится. Почему-то это невинное движение вызывает такой взрыв смеха, что ребята не сразу замечают появление Анны Ивановны.)

АННА ИВАНОВНА. Ну чего разбушевались?

Все рассаживаются по своим местам.

АННА ИВАНОВНА. Елизавета Васильевна заболела.

ВСЕ. Ура!

Радостное оживление класса. Лиля хлопает в ладоши.

АННА ИВАНОВНА. Вот счастье-то... Радость какая! Заболел учитель — хорошо. А если бы помер, так уж и совсем лучше некуда? Так, что ли?

ОЛЕГ. Анн Ванн, мы ведь не радуемся, что Елизавета Васильевна заболела, а потому, что урока не будет!

АННА ИВАНОВНА. Вот бы совсем уроков не было...

ОЛЕГ (мечтательно). Да-а-а. Но это невозможно.

АННА ИВАНОВНА. Почему невозможно? Не хочешь учиться — не учись. Хочешь глупым ходить — ходи. Не учи уроки. Не читай книги. Постепенно и читать разучишься и писать. Вместо подписи будешь крест ставить, как моя мать ставила. И голова у тебя будет пустая, чистая. Хорошо будет!

ОЛЕГ. Значит, вы мне разрешаете не учиться?

АННА ИВАНОВНА. Нет, не разрешаю, но ведь ты можешь моего разрешения и не спрашивать.

ОЛЕГ. И вы меня ругать не будете?

АННА ИВАНОВНА. И ругать буду, и «двойки» ставить буду, а потом исключат.

ОЛЕГ. Так вам же попадёт!

АННА ИВАНОВНА. За что это?

ОЛЕГ. За то, что я плохо учусь. Если ученик плохо учится, значит, учитель виноват. Он не сумел привить любовь к своему предмету.

АННА ИВАНОВНА. Это тебе кто сказал?

ОЛЕГ. Я в газете читал.

АННА ИВАНОВНА. Эх, ты, Кузя...

Смешок в классе. Анна Ивановна часто называет так Олега.

Любовь к науке — не оспа. Тут одной прививки мало, надо ещё и твоё желание. А с неохотой — хоть лоб разбей — ничего у нас с тобой не получится.

ОЛЕГ. Я не про любовь к науке хотел сказать, а про совсем другую.

АННА ИВАНОВНА (насторожившись). Какая ещё другая?

У класса ушки на макушке. Все повернулись к Олегу, ожидая очередной выходки. Олег чувствует предупреждение в тоне учительницы, но остановиться уже не может.

ОЛЕГ. Да всякая разная... Знаете, Анн Вани, жил на свете один мальчик и одна девочка... (Взгляд в сторону Ани и Володи.) Не из нашего, конечно, класса...

Класс с готовностью смеётся. Аня и Володя стараются делать вид, что это к ним не относится, но получается у них неважно, особенно у Володи.

АННА ИВАНОВНА. Сядь, Кузнецов.

Олег садится.

Вот что я вам скажу, други мои. Всякое оружие стреляет на свою дальность или как там она ещё называется — не знаю, да и знать не хочу. Ты, Кузнецов, кулаком товарища достанешь за метр. А дать тебе ружьё, так и за километр подстрелишь...

ОЛЕГ. Да я пошутил, Анн Вани...

АННА ИВАНОВНА. Помолчи... Но нам дано от природы ещё одно оружие. Вы подумайте, что это такое — слово! Вот ты ещё маленький, Кузнецов, два года тебе... или меньше... Ты показал пальцем на свой живот и сказал: «Больно». Одно только слово и сказал. Ну, может, заплакал ещё. Мама твоя вызывает врача. Врач приходит, осматривает тебя. Мама бежит за лекарством. Де-





сятки людей суетятся возле тебя, волнуются. Ты подумай, что привело их в движение? Одно твоё слово. Несмыслёного ещё человечка слово. Не скажи ты его, может быть, и не было бы тебя сейчас. А так ты растёшь. И вырастёшь. И вдруг напишешь хорошую песню. Послушает её человек и забудет про свои ссоры и обиды. Станет лучше хоть на эту минуту. А ведь песня — тоже слово. Вот тебе что в руки дано! А можно и не песню написать, а письмо. А письмо такое — так, мол, и так, Иван Иванович, всего полмесяца, как вас дома нет, а такие в вашей семье перемены: дочка ваша в реке утонула, сын под трамвай попал, а жена от горя скончалась. Смешно, верно? Потому что письмо это — в шутку. И вот прочитал Иван Иванович твою шутку, схватился за сердце и умер. А ведь и шутка — слово. Поэтому, прежде чем слово бросить, подумай, в кого попадёшь, не в товарища ли? А про Анину и Володину дружбу вы с первого класса знаете. Вам ли над ней смеяться! Понятно?

ВСЕ. Понятно!

АННА ИВАНОВНА. Вот и прекрасно. Время у нас осталось. Решим

ещё две задачки к контрольной работе.

Движение в классе, достают одни тетради, прячут другие.

ИГОРЕК. А где моя тетрадь по русскому? Кто взял с парты тетрадку? Опять ты взял, Кукин?

КУКИН. На твою тетрадку. Тебе свериться жалко, что ли?

АННА ИВАНОВНА. Ох, Кукин... А ведь зря и списывал-то. Не будет русского.

КУКИН (с натугой). Дак... зря... в общем...

АННА ИВАНОВНА. Кукин ты Кукин... И ведь никого ты не обманешь. Себя разве... А ты всё чужим умом живёшь. Неужели не надоело?

КУКИН (привычно). Я больше не буду, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА (машет рукой). Да будешь!.. (Классу.) Доска почему не вытерта? Кто дежурный?

КУКИН. А я...

АННА ИВАНОВНА. Что ж, тебе времени не хватило?

КУКИН. Забыл... А на другой стороне чисто, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА (безнадёжно махнув рукой). Садись.

Анна Ивановна переворачивает доску. На другой стороне мы видим рисунок: алгебраическая сумма  $A$  и  $B$  равняется двум целующимся головам — мальчика и девочки. По классу, нарастая, прокатывается смех. Анна Ивановна медленно поворачивается к классу. Смех стихает.

АННА ИВАНОВНА. А я и не знала, что вы народ весёлый такой.

АНЯ (вскакивая). Анна Ивановна, можно я пересяду на другую парту?

АННА ИВАНОВНА. Погоди, Аня. (Классу.) Когда мы с вами разговаривали, мы не знали об этом рисунке. Верно?

ГОЛОСА. Верно! Не знали!

АННА ИВАНОВНА. Но кто-то один знал. Пусть он зайдёт ко мне, когда наберётся смелости. А мы с вами будем считать, что эта шутка кончилась. Будем?



ВСЕ. Будем!

АННА ИВАНОВНА. Аня, если хочешь, можешь пересесть.

АНЯ. Я останусь, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА. Кукин, к доске.

КУКИН (с готовностью). Стереть, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА. Нет, решать, Кукин.

#### Эпизод третий

Учительская. Анна Ивановна сидит за столом, проверяя тетради. Возле одного из шкафов молодая учительница географии Светлана Семёновна. Она подбирает наглядные пособия к уроку, складывая их на стол.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. Вы просто не представляете себе, Анна Ивановна, до чего мне здесь нравится! Сначала я боялась, что ничего не получится. А теперь до того всё хорошо, просто! И ребята такие милые, простые, внимательные. Вы наблюдали когда-нибудь за их лицами? Какие у них интересные лица!

АННА ИВАНОВНА (не отрываясь от тетради). Лица... Да, лица, конечно, интересные.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. А вы давно преподаёте?

АННА ИВАНОВНА. Двадцать восьмой год.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. Ой, а мне ещё и класса воспитательского не дают. Это хорошо или плохо?

АННА ИВАНОВНА (с улыбкой). Это очень хорошо, Светлана Семёновна.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА (с сомнением). Да... У вас вон какой чудесный класс. Такие внимательные, дружные. Только Кукин немного отстаёт. Но я их, кажется, всех люблю, даже Кукина. Он такой застенчивый, угловатый.

АННА ИВАНОВНА. Лентяй он огромный.

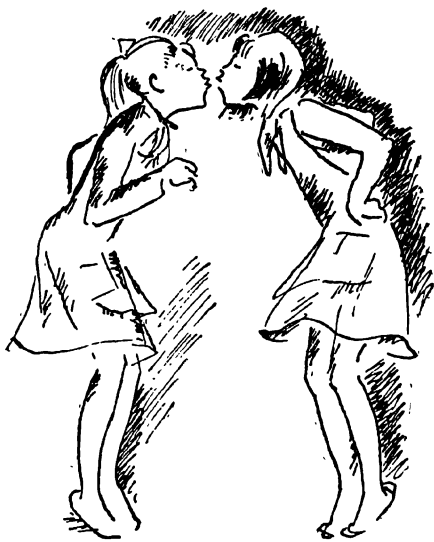
СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. Лентяй, а сердце доброе. Они вообще, по-моему, все очень добрые. Мне все классы нравятся. Знаете, как ребята со мной здороваются? Идешь по коридору, а кто-нибудь бежит навстречу и ещё издали кричит: «Здравствуйте, Светлана Семёновна!» И всегда у них так весело полу-

чается. Мне очень нравится. И ещё немного смешно: была Света, а стала Светлана Семёновна. Это я — Светлана Семёновна!

АННА ИВАНОВНА (спокойно). Да они вас как раз больше Светой зовут.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА (горячо). Да нет же! Честное слово, ни разу не слышала.

АННА ИВАНОВНА. И не услышите. А вот когда вы на урок после звонка идёте, в классе обязательно кто-нибудь крикнет: «Атас! Света идёт!»



СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. А что такое «атас», Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА. Сигнал опасности.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. Это я — опасность?

АННА ИВАНОВНА. Да вы не огорчайтесь. Это скоро пройдёт. Они ведь всегда знают, как к ним относятся. Не всегда понимают, но всегда чувствуют.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. Знаете, Анна Ивановна, я всё-таки скажу им, чтобы меня так не звали.

АННА ИВАНОВНА. Пожалуй, не стоит говорить.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. Почему? Они же поймут, что мне это не нравится.

АННА ИВАНОВНА. Поймут. Именно поэтому и будут.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. Мне назло?!

АННА ИВАНОВНА. Не обязательно назло. Просто тогда они будут звать вас Светой с некоторым риском для себя, а это уже гораздо интереснее.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА. Да? Но всё же это как-то странно... (Роется в шкафу.) Куда же это карта Европы пропала? (Уходит.)

Некоторое время Анна Ивановна сидит одна. Затем раздаётся стук в дверь.

АННА ИВАНОВНА. Войдите.

ИГОРЕК (входя). Здравствуйте, Анна Ивановна. Я у вас спросить хочу... Можно?

АННА ИВАНОВНА. Здравствуй. Спрашивай.

ИГОРЕК. У меня одна задачка не получается. То есть не совсем не получается, а так... Я её решил, но, может быть, неправильно?

АННА ИВАНОВНА. Ну покажи. (Берёт протянутую Игорёчком тетрадку, смотрит). Да нет, правиль-

но решено. Но ведь эта задачка на урок вперёд, мы ещё этого не проходили.

ИГОРЕК. А я теперь всегда на урок вперёд учу.

АННА ИВАНОВНА. Зачем?

ИГОРЕК. Интересно. Все ещё не знают, а я знаю.

АННА ИВАНОВНА. Ну, это я с тобой не согласна. Если уж вперёд идти, так подальше. Иди так, чтобы тебя не догнать было. А если потвоему — будешь всё время на полшага впереди, а что толку? И потом ответ ведь в задачнике есть. Почему ты у меня спрашиваешь?

ИГОРЕК. Ой, верно! Как же я забыл про задачник!

АННА ИВАНОВНА. Ты уж лучше сразу дело говори. Зачем пришёл?

ИГОРЕК. Да я... не знаю... Я хотел сказать... Вот ребята над Аней и Володей смеялись, помните? Так ведь это нехорошо, верно?

АННА ИВАНОВНА. Верно.

ИГОРЕК. Вот и я думаю, что верно. Это просто не по-пионерски.

АННА ИВАНОВНА. Помнится мне, ты тоже не грустил в эту минуту.

ИГОРЕК. Я, Анна Ивановна, просто удержаться не мог. А так я понимаю, что это не по-товарищески. И потом я же делал Кузнецову замечание... (Смотрит на учительницу, ожидая её реакции. Анна Ивановна молчит.) А что рисунок на доске нарисовали — это совсем глупо.

АННА ИВАНОВНА. Вот ты так и скажи тем, кто рисует.

ИГОРЕК. А вы разве не знаете кто?

АННА ИВАНОВНА. Нет. А ты знаешь?

ИГОРЕК. Я?

АННА ИВАНОВНА. Ты.

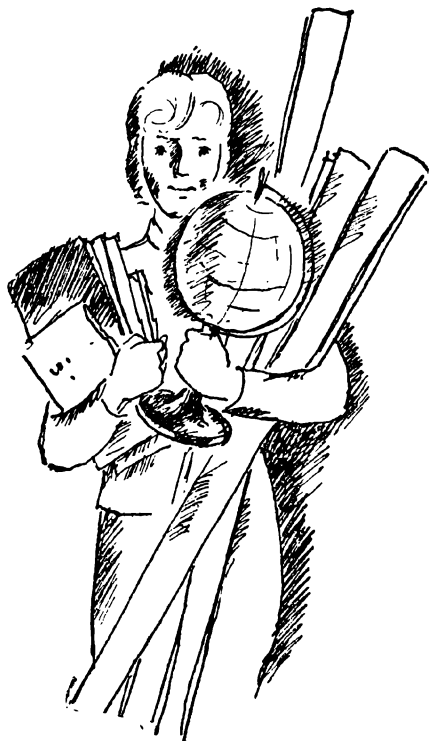
ИГОРЕК. Я... ну, в общем... как сказать... Не очень знаю.

АННА ИВАНОВНА. Кузнецов?

ИГОРЕК. В общем (мнётся) как сказать... Я тоже не знаю.

АННА ИВАНОВНА. Если ты пришёл сообщить, что на доске рисовал Кузнецов...

ИГОРЕК (быстро). Я ничего не говорил!



АННА ИВАНОВНА. ...то мне это не нужно. Я говорила, чтобы этот художник зашёл ко мне сам. Так будет лучше для него. Да и для меня тоже.

ИГОРЕК. Я понимаю, Анна Ивановна. Я пойду. Можно? *(Идёт к двери, оглядываясь на учительницу.)*

АННА ИВАНОВНА. Тетрадь заberi.

ИГОРЕК *(натянуто смеётся)*. Ну и память у меня! Верно, Анна Ивановна? Только на уроки хорошая память. А остальное забываю. *(Не дожидаясь ответа, уходит.)*

Анна Ивановна некоторое время смотрит ему вслед, потом принимается за тетради. Входит Сергей Михайлович, директор школы. В дверях он пропускает вперёд молодого человека.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ *(без воодушевления)*. Очень хорошо, что вы здесь, Анна Ивановна. Познакомьтесь, пожалуйста, — Юрий Александрович, журналист, газетчик...

ЮРА *(тоном человека, не уверенного в том, что его узнают)*. Здравствуйте, Анна Ивановна!

АННА ИВАНОВНА. Подожди, подожди... Дай сама вспомню. *(Вглядывается.)* Юра? Ну конечно, Юра! Здравствуй, прощающая душа. Ты почему на вечере встречи не был в прошлом году? Пять лет всё-таки число круглое...

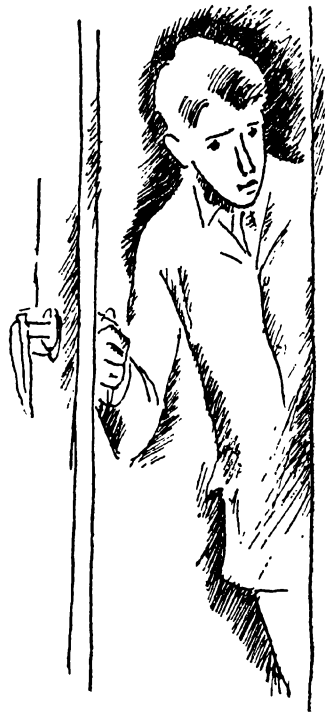
ЮРА. Диплом писал, Анна Ивановна. Некогда было.

АННА ИВАНОВНА. Ой врешь! Хотел, наверное, генералом прийти, да не успел дослужиться?

ЮРА. А вы всё генерала ждёте, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА *(со вздохом)*. Жду. Профессора есть. В прошлом году академик появился, не совсем ещё полный академик, член-корреспондент, но всё-таки... По секрету сказали, что космонавт будет. А вот генерала нет. Так я, пожалуй, и помру без генерала.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ *(презжним тоном)*. Ну что ж, очень приятно, что вы учились у нас. Вам будет легче во всём разобраться. *(Анне Ивановне.)* Юрий Васильевич при-



шёл по делу. *(Юре.)* Класс, о котором идёт речь, — Анны Ивановны. Вы поговорите, а потом прошу ко мне. *(Быстро уходит.)*

ЮРА. Я ведь не знал, что это ваш класс, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА. Да что случилось?

ЮРА. Пока ещё ничего, но может случиться. Знаете, Анна Ивановна, я ведь помню, что вы мне тогда сказали.

АННА ИВАНОВНА. Когда?

ЮРА. А помните, Женька Малышев стал на сборе свои стихи читать, а я его высмеял.

АННА ИВАНОВНА. Было. Довели тогда парня до слёз, изверги.

ЮРА. А помните, что вы мне тогда сказали?

АННА ИВАНОВНА. Ну что?

ЮРА. Вы сказали: «Юра, а если ты не просто товарища обидел, а вдруг ты поэта убил?»

АННА ИВАНОВНА. Ишь ты, запомнил...

ЮРА. Мы причиняем друг другу много напрасных обид. Иногда умышленно, чаще просто по невни-

манию или по глупости. Но ведь от этого не легче, если по глупости!

АННА ИВАНОВНА. Ага, мы, кажется, подходим к самому делу.

ЮРА. Уже подошли. Я сейчас работаю в отделе писем. Писем очень много. Особенно после публикации статей на моральные темы, пачками приходят. И среди них есть письма, которые мне читать просто неловко. Вот. Представьте себе, Анна Ивановна, что вы влюбились...

АННА ИВАНОВНА. Ну, уж ты хватил!

ЮРА. Извините, я сгоряча. Пускай кто-нибудь другой. Например, какая-нибудь Маша влюбилась в какого-нибудь Васю. А письмо пишет ученица шестого класса?

АННА ИВАНОВНА. Уж не моего ли?

ЮРА (*вынимает из папки письмо*). Позавчера разбирал почту, смотрю — письмо из нашей школы. Я его в карман и — к вам. Письмо, конечно, детское. Но ведь взрослые-то из детей вырастают.

АННА ИВАНОВНА. Да ты давай письмо.

ЮРА. Лучше я сам прочту. (*Читает.*) «Дорогая редакция! Мне скоро тринадцать лет. Я учусь в шестом классе. У нас в классе есть мальчик Володя. Я его очень люблю, а он меня нет. А его очень, очень люблю. А он на меня даже не смотрит. Дорогая редакция, посоветуйте, как мне быть. Может быть, мне совершить какой-нибудь подвиг, и тогда Володя меня полюбит. Но я не знаю, какой подвиг мне совершить. Посоветуйте мне, пожалуйста. Аня Мельникова».

АННА ИВАНОВНА. Что-то не похоже на Аню. Она девочка застенчивая.

ЮРА. Письмо напечатано на машинке. Но на конверте полностью обозначены школа, класс и есть подпись.

АННА ИВАНОВНА. Да ты дашь письмо или нет!

ЮРА. Пожалуйста (*отдаёт письмо*).

АННА ИВАНОВНА (*внимательно разглядывает конверт*). До-

вольно необычный почерк. Ты знаешь, в шестом «а» ни у кого нет такого почерка. Да и машинки у Мельниковой нет, я уж знаю.

ЮРА. Но у вас есть Аня Мельникова?

АННА ИВАНОВНА. Да. И есть ещё Володя Климов. Они вместе готовят уроки, вместе ходят в кино, делят мороженое пополам. Я ни разу не видела, чтобы они поссорились. Они во всём стремятся помочь друг другу. И что ты хочешь, Юра?

ЮРА. Может быть, собрание устроить, выяснить?..

АННА ИВАНОВНА. Выяснить стоит. Ты часто видел, чтобы автор письма менял почерк для того, чтобы поставить на конверте своё имя и адрес?

ЮРА. Это, конечно, странно.

АННА ИВАНОВНА. Странно, если предположить, что письмо писала Аня. Но Аня не могла этого сделать. Тем более что в письме написано... Как там? (*Заглядывает в письмо*.) «Я его очень люблю, а он меня нет». Так вот, выражаясь словами автора письма, Володя не только не «не любит», а очень даже «любит» Аню Мельникову.

ЮРА. Значит, письмо это — подлог, анонимка?

АННА ИВАНОВНА. Да.

ЮРА. Но это же подлость! Об этом можно написать настоящий, большой, хороший фельетон. Я ещё не напечатал ни одного фельетона. Но если я напишу про этот случай... Если мы найдём этого подлеца! Представляете, как мы по нему шахрахнем?!

АННА ИВАНОВНА. Мы не найдём этого подлеца. Сейчас — во всяком случае.

ЮРА. Почему?

АННА ИВАНОВНА. Мы не будем искать его.

ЮРА. Я вас не понимаю, Анна Ивановна! Вы не будете?

АННА ИВАНОВНА. И ты не будешь.

ЮРА. Но, Анна Ивановна...

АННА ИВАНОВНА. Да сядь ты, пожалуйста. Успокойся... Успокоился?

ЮРА. Нет!

АННА ИВАНОВНА. Как, по-  
твоему, чего добивается автор пись-  
ма?

ЮРА. Ну, отомстить за что-ни-  
будь, навредить.

АННА ИВАНОВНА. Ане и Во-  
лоде не за что мстить. Они ни с кем  
не ссорятся. Они очень скромные и  
тихие ребята.

ЮРА. Ну, тогда — посмеяться.

АННА ИВАНОВНА. Пусть так.  
Но он же не хочет смеяться один.  
Ему нужно, чтобы вместе с ним смея-  
лись тысячи. Потому и письмо по-  
слано в газету, что её читают тысячи.

ЮРА. Мы ничего не печатаем без  
проверки.

АННА ИВАНОВНА. Значит,  
с газетой у него ничего не вышло.  
Теперь мы начнём следствие в шко-  
ле, в моём классе. Для начала спро-  
сим Аню.

ЮРА. Тут всё ясно. Письмо пи-  
сала не она. Она так и скажет.

АННА ИВАНОВНА. Скорее  
всего, она ничего не скажет, а про-  
сто заплачет.

ЮРА. Так что же важнее: то, что  
мы подлеца найдём или её слёзы?  
Поплачет и перестанет.

АННА ИВАНОВНА. Она попла-  
чет и перестанет. А когда переста-  
нет, то решит, что мир вокруг напол-  
нен подлецами, которые пишут такие  
письма. Она возненавидит этот мир,  
а заодно и нас с тобой.

ЮРА. А нас за что?!

АННА ИВАНОВНА. За то, что  
лезем не в своё дело.

ЮРА. Значит, получается так:  
где-то рядом с нами ходит подлец,  
делает свои маленькие подлости...

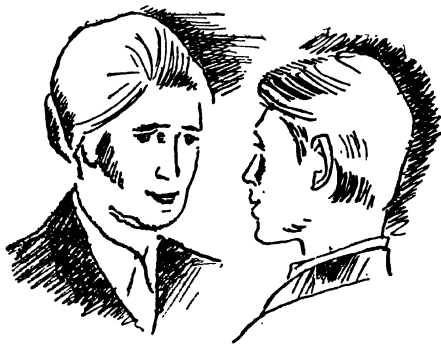
АННА ИВАНОВНА. Да уже и  
не маленькие...

ЮРА. Тем более. Он делает гадо-  
сти хорошим людям! Из маленького  
подлеца вырастает большой, и это —  
не наше дело?! Мы не должны вме-  
шиваться?!

АННА ИВАНОВНА. Нет, наше.  
Обязательно должны.

ЮРА. Тогда я ничего не пони-  
маю. Вы же сами сказали: лезем не  
в своё дело.

АННА ИВАНОВНА. Юра, мы  
входим в чужой дом. Дом этот — ду-



ша ребёнка. Дверь этого дома не все-  
гда распахнута настежь, у неё есть  
свои замки и засовы. И всё дело  
в том, как войти. Можно выломать  
замок силой, а можно тихонько по-  
стучать, пока не откроют. Вот начнём  
мы спрашивать в классе: не знаете  
ли, кто написал письмо? «Какое  
письмо?» — скажут. «Да вот та-  
кое», — ответим. Вот тут-то веселье  
и начнётся. И «ха-ха-ха», и «хи-хи-  
хи» — всё будет. Письмо, да ещё про  
любовь, — это же очень смешно!

ЮРА. Вы же объясните, что пи-  
сала не она!

АННА ИВАНОВНА. Тогда ещё  
смешнее. Не писала, а всё-таки — про  
любовь, а всё-таки — Мельникова  
Аня. Это, Юра, очень смешно. А что  
Ане и Володе в эту минуту невесело,  
что им плакать хочется или драться,  
— от этого ещё смешнее. И выхо-  
дит всё так (указывает на письмо),  
как он хочет, а не так, как мы с то-  
бой. По кому же мы с тобой «шарах-  
нем»?

ЮРА. А директор сказал мне, что  
ваш класс самый дружный в школе.

АННА ИВАНОВНА. Они друж-  
ные. (С горечью.) Они добрыми ещё  
быть не научились. Ребята весёлые...  
Бывают, знаешь, круглые отличники,  
бывают круглые дураки... А у меня  
шутники всё круглые.

ЮРА. Но ведь надо что-то делать!  
(С пафосом.) Я не могу спокойно  
спать, пока подлецы гуляют на сво-  
бode.

АННА ИВАНОВНА. Ну и не  
спи. А письмо всё же оставь мне.  
У тебя есть на работе телефон?

ЮРА. Конечно. Редакция, доба-  
вочный 267. Только вы обязательно

позвоните, Анна Ивановна. Мне очень хочется посмотреть на того, кто это придумал.

АННА ИВАНОВНА. А уж мне-то, Юра, как хочется!

ЮРА. До свидания, Анна Ивановна. Только — до скорого.

АННА ИВАНОВНА. Как выйдет, Юра... До свидания.

Юра уходит. Анна Ивановна некоторое время разглядывает письмо, затем кладёт его в портфель. Входит директор.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. А где же корреспондент?

АННА ИВАНОВНА. Ушёл!

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Что же вы его так отпустили? Надо было разобраться как следует. Почему ко мне не зашли?

АННА ИВАНОВНА. Мы всё выяснили. Письмо подделано.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (нервно). Я так и предполагал. Но нельзя же допустить, чтобы эта чушь попала в газету! Ведь в первую очередь всё это придётся расхлёбывать вам как воспитателю.

АННА ИВАНОВНА. Как воспитателя меня прежде всего интересует, чтобы об этом письме не узнали Мельникова и Климов.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Кстати, что там на самом деле с Мельниковой и Климовым? Почему могла возникнуть эта фальшивка?

АННА ИВАНОВНА. Кажется, фальшивка начинает действовать?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Не говорите ерунды, Анна Ивановна! В конце концов, я тоже работаю в этой школе. И мне, так же как и вам, неприятна эта история. А вот ваше спокойствие меня удивляет.

АННА ИВАНОВНА (резко). Да, я спокойна! Я совершенно спокойна! Меня это не волнует! Не касается! Мои ученики меня не интересуют! Я — равнодушна. У меня, как и у вас, — прекрасные нервы!

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (грозоно, предупреждая). Анна Ивановна!

Они стоят друг против друга, как два врага. Уже готовы сорваться с их губ слова несправедливые и обидные. Ещё секунда, и грянет ссора. И секунда прошла...

Сергей Михайлович неожиданно мягко):

Анна Ивановна, мы, кажется, сообразимся?

АННА ИВАНОВНА (устало). Нет, Сергей Михайлович, это мы работаем.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Да... да...

АННА ИВАНОВНА. Мне тоже очень неприятно, Сергей Михайлович. Это уже не шутка и не шалость, а просто гадость. Причём — хорошо продуманная.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. А нельзя ли по почерку?

АННА ИВАНОВНА. В том-то и дело, что почерк мне незнаком.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Может быть, кто-то из параллельного класса?

АННА ИВАНОВНА (раздумывая). Не знаю... Вряд ли. Была ещё одна маленькая история, на ту же тему. Рисунок на доске. Я с ними поговорила, и мне казалось, что всё кончилось. Но художник до сих пор ко мне не пришёл, хотя они знают, что лучше прийти самому. Такой уж у нас уговор, и они всегда его выполняли. И если художник этот не приходит, значит, есть у него на душе ещё какой-то грех. И я подозреваю, что этот грех здесь (указывает на портфель). Я попробую выяснить, кто рисовал на доске.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Попробуйте, Анна Ивановна. И чем скорее, тем лучше.

Слышится звонок. Директор направляется к двери. Навстречу ему входит Светлана Семёновна, нагруженная учебными пособиями.

СВЕТЛАНА СЕМЁНОВНА. Здравствуйте, Сергей Михайлович!

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Добрый день, Светлана Семёновна!

СВЕТЛАНА СЕМЁНОВНА. Сергей Михайлович, когда вы мне дадите воспитательский класс?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Скоро. Мне бы хотелось подобрать вам класс полегче. Знаете... на первых порах...

СВЕТЛАНА СЕМЁНОВНА. А мне бы, наоборот, хотелось потруднее. Хотя... Если бы такой, как

у Анны Ивановны... Какие там чудесные ребята! И такие дружные! Анна Ивановна, отдайте мне свой класс!

АННА ИВАНОВНА. Берите!

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА.  
Ой! Правда можно? Можно, Сергей Михайлович?

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ. Анна Ивановна шутит.

СВЕТЛАНА СЕМЕНОВНА.  
Вы ведь не шутите, Анна Ивановна? Ну, скажите, что не шутите.

АННА ИВАНОВНА (со вздохом). Шучу. Сегодня у нас день такой — шутиливый.

(Продолжение следует)



С. Коган

## «ПРЕМЬЕР»

Я — председатель  
Совета отряда...  
Когда выбирали,  
Просил я:  
— Не надо!  
Ребята кричали:  
— Да мы тебя  
Знаем!  
— Потянешь!  
— Осилишь!  
— Не зря  
Доверяем! —  
Они голоса,  
Торопясь,  
Подсчитали,  
А после  
Всем классом  
Меня  
Поздравляли.  
Хихикнула Светка:  
— А знаешь, Валера,  
Отныне ты будешь  
У нас за премьера! —  
Нахмурилась Вера:  
— Кличка премьера —  
А это не стыдно  
Для пионера? —  
Васька подпрыгнул:



— Позвольте, премьер,  
Вашу тетрадку —  
Я сдую пример! —  
Серёжка и Гришка  
Ко мне подбежали,  
Передо мной  
На колени упали:  
— Выше премьерство,  
Просим покорненько,  
Вашу «Историю»  
Дать нам до вторника! —  
Все были веселы,  
Все были рады:  
Я — председатель  
Совета отряда!  
Должен теперь я

За всех отвечать,  
Петь, рисовать,  
Сочинять и плясать,  
По арифметике  
Делать примеры...  
Вот им какого  
Хотелось премьера!  
Стою, улыбаюсь:  
— А я ведь не тот!  
Всё у нас будет  
Наоборот! —  
И загрустили  
Мои пионеры:  
— Зря мы тебя  
Выбирали  
В премьеры!

# СОЛДАТЫ

## КАК МЫ ДРУГ ДРУГА ЗВАЛИ

Когда я служил в армии, были у нас солдаты с самыми удивительными и прекрасными фамилиями.

Например: Володя Московский.

Мы его звали:

— Эй, Москва!

И Володе, конечно, было очень приятно.

Был Храбров — человек с очень солдатской фамилией; ведь известно: солдаты — храбрые люди.

И даже был Нахимов, — мы его звали Адмирал, потому что был когда-то такой знаменитый флотоводец адмирал Нахимов. И хотя нашему Нахимову следовало служить, конечно же, среди моряков, его почему-то направили к нам, в пехоту.

Был человек с энергичной и решительной фамилией Пистолетов, — мы его звали просто Пистолет.

И был Ваня Дудкин.

— Дудкин...

— Дудочкин...

— Дударь... — звали мы его.

И думали, что это очень остроумно. А на самом деле это было совсем не остроумно. Потому что есть люди с ещё более смешными фамилиями, и

это очень хорошие и прекрасные люди.

Но мы служили в армии первый год, и ещё не знали этого.

## СМЕЛЫЕ ЛЮДИ ПЕХОТА

Летние солдатские лагеря с пионерскими лагерями ничего общего не имеют. В солдатских проходят военную науку: учатся стрелять, ходить в атаки, ползать по-пластунски, рыть траншеи, хорошо бегать, петь песни, резать колючую проволоку штыком или специальными ножницами и ещё много-много чему — важному и полезному.

Кроме нас, пехотинцев, были в лагере и другие солдаты — артиллеристы, сапёры, десантники, танкисты, разведчики — почти все, кроме моряков. Потому что морякам нужно море, а нам море не нужно.

Особенно, конечно, уважали десантников. Что говорить — смелые люди! В любую погоду, днём или ночью, летом или зимой, готовы они были прыгать на парашютах в тыл врага, и плохо тогда бы пришлось врагу!

И хотя никаких таких врагов у нас в лагере не было, десантники всё равно собой очень гордились.

Вот однажды встречаем мы



десантников. Они идут из столовой. И хотя идут они из обыкновенной столовой, им всё равно кажется, будто выполняли они ужасно ответственное и секретное задание. Им это кажется, и они задаются:

— Как живёте, пехота?

Мы говорим:

— Ничего живём. А вы?

— Прекрасно, — отвечают десантники.

И нас снова спрашивают:

— А смелые среди вас есть?

Мы говорим:

— У нас все смелые.

Тут десантники начинают хихикать и подталкивать друг друга локтями:

— Ну, смелые, а кто из вас с парашютом прыгает?

Вот, оказывается, что придумали. А нам прыгать ужасно не хочется: и устали, и боязно.

Тогда десантники нам говорят:

— Вот вы, оказывается, какие смелые люди, пехота!..

Тут говорит наш Дудкин:

— Я прыгну.

Мы, конечно, обрадовались, что нашёлся смелый, и говорим десанникам:

— Что, съели? Молодец, Ваня!

И все идут к парашютной вышке. А она — здоровая, может, с десяти-, а может, с две-

надцатизэтажный дом. Даже смотреть страшно.

Помогли десантники Ване забраться на вышку, прицепили к нему парашют, стоит наш Ваня, маленький-маленький и совершенно один.

— Не бойся, Ваня! — кричим мы ему снизу.

А он нас, наверное, и не слышит. Такая жуткая высота.

И прыгает.

Подбегаем к нему, спрашиваем:

— Жив, Ваня?

— Жив, — говорит. — Что мне сделается.

С тех пор десантники больше не задавались. А встречая Дудкина, разговаривали с ним так, словно это Ваня был десанником, а они, десанники, — пехотинцами.



## ГРАНАТА

Однажды учились мы правильно кидать гранату.

Кинул Володя Московский — далеко улетела граната.

Сержант говорит:

— Хорошо!

Кинул гранату Храбров — ещё дальше улетела граната.

Сержант опять говорит:

— Хорошо!

Храбров и Московский ходят, конечно, друг перед другом — мускулы показывают. А мускулы у них, действительно, ничего.

Выходит кидать гранату Дудкин.

Сержант ему говорит:

— Замах, замах неправильно делаешь! Дай, я тебе покажу.

И показывает.

Делает совершенно правильный замах, и граната летит далеко-далеко.

— Не умею я так, товарищ сержант, — тихо говорит Ваня. — Я лучше без замаха.

Надоело сержанту спорить, он и говорит:

— Ладно, кидай без замаха. Сам увидишь, как нужен правильный замах: граната и десяти метров не пролетит — упадёт...

Ну, Дудкин разбегается — кидает.

Летит граната, летит и всё не падает. И упала ли вообще — мы так и не заметили.

Часа полтора искали мы гранату. Всё кругом облазили.

Ваня извиняется: не нарочно, мол, так далеко кинул.

А сержант сердится.

— Как же ты её без замаха так далеко кинул? Не по правилам!

Неловко Ване: и гранаты нет, и не по правилам кинул.

— Ну ладно, — вдруг говорит сержант, — ничего. Научишься немножко правилам — и ещё дальше кинешь!

## БУТЕРБРОД

Часто во время обеда устраивали нам учебные тревоги.

Только сядешь обедать — тревога.

И бежишь тогда скорее из столовой к пирамиде с оружием, садишься в машину, и везут тебя к месту учебного боя.

Тревога, конечно, интересно, но вот только скучали мы по оставленному супу и по вкусному запаху несъеденных котлет.

Тогда некоторые стали делать так: съедали немедленно сахар, котлеты и уже спокойно ждали тревогу.

А тревоги нет.

И приходилось им есть суп без хлеба, кашу — без котлет, чай — без сахара. Хитро придумано, но — не очень вкусно.

И вот однажды приходим мы обедать, смотрим — Ваня Дудкин начинает со своим хлебом какие-то странные штуки делать: выковыривает в одном куске ямку и кладёт туда котлету, выковыривает в другом куске три ямки и кладёт туда квадратик масла и два куска сахара. Складывает оба куса хлеба вместе и получается странный такой бутерброд.

Только мы хотели спросить: «Ваня, а что это ты делаешь?» — как заиграли тревогу.



Бросили мы ложки-вилки, помчались из столовой.

Садимся в машины. Едем.

Говорим о супе.

Вспоминаем о котлетах.

Хочется есть.

Вдруг видим — вынимает Ваня свой странный бутерброд и говорит:

— Кто хочет?

Конечно, все хотят, что тут спрашивать.

Съели мы все вместе Ванин кусок хлеба с котлетой, а потом Ванин кусок хлеба с сахаром и маслом.

Закурили.

Володя Московский говорит:

— Ты прости меня, Ваня, но я должен тебе прямо сказать: ты — великий человек!

— Изобретатель! — уточняет маленький энергичный Пистолетов. — Десантникам никогда такого не изобрести.

А Ваня улыбается: доволен, что изобрёл бутерброд, который поможет нам, если случится ещё раз тревога.

## **ПРОИСШЕСТВИЕ НА ЧЕТВЁРТОМ ПОСТУ**

Но не думайте, что с Ваней Дудкиным никаких неприятных происшествий не было. Были. Например, на четвёртом посту.

Нельзя сказать, что это был самый важный и ответственный пост. Ваня охранял, по правде сказать, подушки и валенки, которые лежали в складе, огурцы с помидорами, а также капусту, и ещё — старенький истребитель, который неизвестно когда и почему попал на четвёртый пост и был

врыт по самые крылья в землю.

Но пост есть пост. Поставили — охраняй.

И Ваня охранял. Сначала проверил, всё ли в порядке, хорошо ли растут на грядках огурцы, а потом стал рассматривать самолёт: латанные крылья, которые побывали не в одном воздушном бою, облупленные бока, красные звёздочки.

И стало Ване грустно за самолёт: стоит он, всеми забытый, на четвёртом посту, и окружают его валенки, редис и морковка, и никогда не подняться ему в воздух, никогда не заберётся в его кабину боевой военный лётчик и не возьмётся за штурвал, и никогда механик не будет готовить этот самолёт к боевому вылету...

А самолёт стоял и, даже врытый в землю, казался стремительным, и будто лётчик с механиком на секунду отошли куда-то в сторону покурить.

И тут Ваня подумал: «Так и отслужу я армию, и не узнаю, что чувствует лётчик, когда сидит в кабине самолёта и держит штурвал. Махнуть бы на всё рукой, залезть в кабину, надвинуть поплотнее пилотку, чтоб ветром не сдуло, и — фьють! Помашу сначала крыльями над своим домом — мама выскочит на крыльцо, крикнет: «Куда ты, Ваня?» — «Воевать, мама!» Пролечу на бреющем над всей деревней и — в бой. И ещё долго будут говорить, как я прилетал на своём самолёте...

И вдруг Ваня и правда почувствовал себя настоящим лётчиком.

Легко, будто делал это всю жизнь, вскочил в кабину самолёта, дал газ, и вот уже несётся его верная машина в бой, а против неё — три одинаковых фашистских истребителя. И сошёлся Ваня Дудкин с ними в неравном воздушном бою... Вот один фашист отвалил в сторону — дымит, чёрный шлейф за ним тянется... вот другой... вот третий... Выиграл этот неравный воздушный бой Иван Дудкин, и когда, счастливый, возвращался на базу, окликнул его начальник караула — наш сержант:

— Далеко ли собрались лететь, часовой Дудкин?

Смотрит Ваня: сидит он в самолёте, самолёт по-прежнему врыт в землю, а около самолёта стоит сержант и осуждающе на Ваню смотрит.

Ваня говорит:

— Виноват, товарищ сержант! Больше этого никогда не повторится.

Но всё равно его наказали. И хотя нам всем интересно было бы посидеть в боевом самолёте, понимали мы: нарушил Ваня свой долг, забыл о том, что он часовой, а не лётчик, и кто угодно мог обратиться на четвёртый пост, — Ваня ведь ничего-ничего не слышал.

### ВЗРЫВПАКЕТ

Однажды послали Московского, Храброва и Дудкина в разведку.

Конечно, бой был не настоя-

щий, а разведка вполне настоящая. Надо было из соседней дивизии взять в плен «языка» и у этого «языка» узнать, что дивизия его вообще собирается делать.

Ползут Московский и Дудкин к дороге, а Храбров залёт в кустах, чтоб охранять товарищей с тыла.

Кругом тихо. На дороге ни души.

— Просидим мы здесь, — говорит Московский, — ни одного «языка» не поймает. К другой дороге идём?

— Нет, — говорит Дудкин. — Эта дорога хорошая. Сейчас по ней кто-нибудь обязательно пойдёт.

Только он так сказал, как слышим — кто-то совсем рядом замычал. Не то большая коза, не то маленький телёнок. Обернулись Дудкин и Московский, видят — со всех сторон бегут к ним противники и радостно кричат:

— Сдавайтесь!

А Храбров уже лежит связанный и только ногами шевелит, а во рту у него пилотка. Значит, это он мычал.

— Тикаём! — говорит Московский.

— Куда? — говорит Ваня. — Некуда, да и не по правилам. Они нас первыми поймали.

А противники из соседней дивизии уже совсем рядом:

— Сдавайтесь!

И тут вдруг Ваня вытаскивает из кармана взрывпакет, кричит:

— Советские пехотинцы не сдаются!

И бросает взрывпакет себе под ноги.

Тут взрыв, дым, и голос Володи Московского:

— Не сдаются!

И новый взрыв-дым: это Московский свой пакет себе под ноги бросил.

Дым уполз.

Враги стоят бледные, смотрят на Володю и Ваню и говорят:

— Вы что, с ума сошли? Что же вы наделали? Всю шинель спалили, и сапоги без подмёток.

И правда: подмёток нет, шинель вся в дыму и в подпалинах.

Тут Храброву удаётся выплюнуть пилотку, и он кричит:

— У нас все в дивизии такие отчаянные!

Ненастоящие враги говорят:

— Верно, у вас все отчаянные. Только тот в кустах немного сплеховал.

И не стали брать никого в плен.

Вечером командир взвода очень хвалил Володю Московского и Ваню Дудкина за решительность и даже сказал, что совершили они настоящий подвиг. А Храброва ругал.

Зато старшина, который ведает сапогами и шинелями, хвалил Храброва и сердился на Ваню Дудкина и на Володю Московского: уж очень старшине было обидно, что спалили они совершенно новенькие ещё шинели и совершенно целые сапоги.

Но что такое шинель и сапоги в сравнении с подвигом?

Ничего.

## МАЛЕНЬКИЙ ПИСТОЛЕТОВ

Лучше всех на лыжах ходил маленький энергичный Пистолетов.

Хуже всех — Московский.

Он родился там, где вообще снега нет. И ему негде было научиться ходить на лыжах.

— Я тебя научу, — сказал Пистолетов. — Через год ты будешь у меня обгонять и Дудкина, и Храброва, не говоря уж об адмирале Нахимове.

— А тебя обгону? — сразу спросил Московский.

— Если очень постараться, конечно, обгонишь.

И Московский начал стараться. Они занимались всю зиму, и Володя научился ходить на лыжах, но никого не обогнал.

— Что же ты, Пистолетов, — сказал Московский энергичному Пистолетову, — обещал, что я всех обгону, а я никого не обогнал.

— А на лыжах ты ходить научился? — спрашивает Пистолетов.

— Научился, вроде, — говорит Московский.

Тогда хитрый Пистолетов спрашивает:

— А что важнее: научиться хорошо ходить на лыжах или кого-нибудь там обгонять?

Володя подумал-подумал и говорит:

— Хитрый ты, Пистолетов. Конечно, научиться!

## ПОДКОВА

Однажды мы с Храбровым и Пистолетовым догоняли свой взвод. Нас посылали в сосед-

ную дивизию, и, когда мы вернулись, оказалось, что наш взвод ушёл далеко, в деревню под названием Колотушки.

Пошли мы в Колотушки.

Идём-идём, видим — дорога наша разветвляется: одна тропинка от неё отходит, другая.

Ещё немного прошли — сразу четыре тропинки разбежались от нашей дороги в разные стороны. А главной дороги, по которой мы шли, нет. Кончилась уже. Превратилась в четыре маленькие самостоятельные тропинки.

Остановились мы, стали совещаться: по какой нам идти? Спросить-то ведь не у кого.

Энергичный Пистолетов говорит:

— По этой надо идти.

Я говорю:

— Нет, по этой. На твоей даже следов нет.

Тогда энергичный Пистолетов говорит:

— На двух других тоже есть следы. Интересно, по какой идти?

Смотрю — действительно: на двух других тропинках тоже следы есть от тяжёлых солдатских сапог.

А Храбров в нашем разговоре участия не принимает. Храбров прогуливается поочерёдно по всем четырём тропинкам и внимательно приглядывается к ним.

Рассердились мы, спрашиваем:

— А ты что как на пляже гуляешь? Думай, по какой тропинке нам идти.

Он отвечает:

— Я и так думаю. И даже

знаю теперь — по какой. По этой, где я стою.

Смотрим мы сначала на тропинку, потом на Храброва.

Абсолютно ничем не отличается его тропинка от наших!

А он говорит:

— Помните ту историю со взрывпакетами?

Как же не помнить, помним!

— Так вот, — говорит Храбров. — Дудкин тогда свои сапоги и Володиных починил сам. И ещё ему один знакомый кузнец прислал какие-то особые крепкие подковки...

Вспоминаем — действительно, прислал: тонкие, узкие — на весь каблук.

— Вот след от этих подковок, — говорит Храбров.

Смотрим, и правда: отпечатаны на пыльной дорожке подковы — тонкие, узкие, на весь каблук. Рядом четыре штуки — две Ванины, две Московского.

— Ура, Храбров! — говорим мы. — Прощаем тебе сегодня, что ты чуть не попал тогда в плен!

— Ладно, — ворчит Храбров. — Можете не прощать. Обойдусь без вашего прощения...

Пошли мы по этой тропинке и попали прямо в деревню Колотушки.

Рассказали ребятам, как нашли мы их по подковкам.

Смотрим — Дудкин и Московский хмурятся и отрывают свои чудесные подковки.

Мы говорим:

— Что вы делаете? Зачем?

— А затем, — отвечают они, — что разведчику-пехо-

тинцу нельзя иметь никаких особых примет. Сегодня по нашим подковам вы нас нашли, а завтра какой-нибудь враг.



Мы уж лучше прибьем обыкновенные подковки, как у всех.

### ВЫСШАЯ ПОХВАЛА

Уезжал наш сержант. Навсегда. Кончилась его служба. А мы оставались ещё в армии. На прощанье он нам говорит:

— Не знаю, увидимся ли ещё когда-нибудь, ребята, но на прощанье я вам вот что хочу сказать. Было у нас с вами разное: когда мы понимали друг друга и когда не понимали... когда я гордился вами и не очень, чтоб гордился. Но всё-таки чаще гордился, потому что вы — отличные солдаты и парни. И вот, если придёт время и нас снова призвут в армию, чтобы дать отпор не учебному, а настоящему врагу, хотел бы я, чтоб у меня в отделении были такие же солдаты, как вы... Счастливо служить!

И сержант уехал.

А мы думали о том, что сержант сказал. Потому что, когда командир говорит о своих солдатах: «Хотел бы я, чтоб вы были со мной рядом и в дни настоящих сражений...» — для солдата это высшая, самая высшая похвала. Дороже медали. И ордена.

### МОЛОДЫЕ СОЛДАТЫ

Уехал сержант, уехали старые солдаты, молодые пришли к нам в армию. И мы для них уже были старыми и опытными солдатами. Но мы не задавались, мы уже давно не дразнили ни друг друга, ни тем более молодых совсем солдат.

И вот, вдруг слышим однажды:

— Эй, дохлятик, подними двухпудовую гирию!

И опять:

— Эй, гогочка, иди мыть пол!

И снова:

— А не будешь слушаться, скажем старым солдатам, они тебе сразу покажут, что это армия, а не курорт!

Дудкин говорит:

— Это они, наверное, того солдата обижают, который ничего не умеет.

Московский говорит:

— А сами-то они, много умеют? В армии всего один месяц!

Храбров говорит:

— И ещё на нас ссылаются, запугивают парня.

Энергичный Пистолетов говорит:

— Сейчас пойду и дам как следует. Чтоб не задирались.

Как видите, к третьему году

службы мы поняли, что обижать слабого — очень нехорошо, просто говоря — не по-солдатски. А мы были солдатами.

Тут выходит из казармы молодой солдат, и мы сразу поняли, что это его обижали.

Дудкин его спрашивает:

— Ты куда это, парень, идёшь?

Молодой солдат чётко говорит:

— Пол мыть!

Дудкин спрашивает:

— А разве ты сегодня должен пол мыть?

Молодой солдат тихо отвечает:

— Не я. Тот, длинный. Он меня вместо себя послал.

Дудкин говорит:

— Ах, вот как...

И мы все — вместе с молодым солдатом — входим в казарму.

Сразу наступила тишина.

Дудкин говорит:

— Так кто должен мыть сегодня пол?

Поднимается длинный, говорит:

— Я.

Дудкин говорит:

— Иди мой пол.

Потом оборачивается к молодому солдату и говорит:

— Больше они дразнить тебя не будут. Только ты постарайся поскорее привыкнуть к армии и стать сильным. Без этого здесь нельзя.

— Я постараюсь, — тихо говорит молодой солдат.

В казарме — тишина.

— Вот что, — говорит опять Дудкин. — Кто ещё раз обидит ни за что ни про что этого парня — будет иметь дело со мной.

— И со мной, — говорит энергично Пистолетов.

— И со мной, — говорит Московский.

Посмотрели молодые солдаты на Храброва и окончательно поняли, что с нами лучше дела не иметь.

Ведь мы были старыми солдатами, а они — молодыми.

Мы знали армию и знали, что в армии самое главное — солдатская дружба. Без этого в армии никак.



## Мальчишка с собакой

ОН приехал в деревню поздно вечером, когда мы уже все спали. От станции Сосенки до нашей деревни шесть километров. Но когда идут поезда, мы слышим, потому что в двух километрах от деревни, сразу за рощей, проходит железная дорога. Напротив рощи состав еле ползёт — здесь крутой подъём. И наши деревенские прыгивают на ходу. Даже женщины прыгают.

Деревня наша маленькая и называется Троекурово. Сразу за последним домом начинается лес. Зимой мы слышим, как лунными ночами в белом поле воют волки. Деревня стоит на пригорке, а внизу в ивовых кустах петляет речка Сомовка. Когда-то, говорят, в ней водились сомы, а теперь, чтобы приличного окуня поймать или плотву, нужно идти за Чупрыкину мельницу.

О том, что к тётё Марье приехал мальчишка со «страшенной» собачищей, нам утром сообщила Наташка Желудёва. Она обо всём узнавала раньше всех. Наташке тринадцать лет, но она длинная. Она даже выше меня и Мишки, хотя мы учимся в одном классе. Правда, Мишка утверждает, что он выше её на один сантиметр, но это враньё.

Мы собирались на рыбалку за Чупрыкину мельницу, когда

прибежала Наташка. Жёлтые с выгоревшими прядями волосы с двух сторон наподобие косичек подвязаны белыми тряпочками. На ней новое ситцевое платье горошком. На длинных ногах свежие белые царапины, — видно, летела к нам напрямик, через огороды.

— К тётё Марье родственник приехал, — затараторила она. — Вышел на лужайку и прыгает через голову... А потом стал на руках ходить... Вот умора!

— То-то вырядилась, — сказал Мишка. Он сидел на крыльце и мастерил из гусяного пера поплавков.

— Подумаешь, на руках... — сказал и я. — Я тоже могу.

— А собака у него — страсть одна! С телёнка, чтоб мне лопнуть, если вру.

— С лошадь, — сказал Мишка.

— Со слона, — поддакнул я.

Наташка взяла жестяную банку с червями, заглянула и презрительно сказала:

— Это разве черви? Вот у тётё Марьи на огороде...

И вывалила наших червей в яму, которую вырыли для силоса. Мы с Мишкой ахнули: этих червей мы с полчаса копали у конюшни. Я бы показал Наташке за эти штучки, почём фунт лиха, но из-за

Мишки не стал связываться. А он и не такое от Наташки привык терпеть.

— Пошли к Марье, — сказал Мишка, — красных накопаяем...

— А собака? — спросила Наташка. — Она вас живём проглотит...

— Подавится, — сказал Мишка.

**П**РИЖАВ лбы к круглым жердям изгороди, мы смотрим на собаку. Наташка не обманула: таких огромных мы не видали сроду. Ростом действительно с телёнка, большая голова, висячие уши и длинная, чёрная с коричневым, шерсть. Собака стояла у крыльца и смотрела на дверь. Длинный, похожий на веер, хвост шевелился. На широком

ошейнике белые бляхи. На нас собака не обращала никакого внимания.

— Её звать Орион, — сказала Наташка.

Уже и это знает!

— Эй, Орион! — позвал Мишка.

Собака посмотрела на нас, зевнула, показав великолепные белые клыки, и снова уставилась на дверь. Уши её поочередно шевелились. Собака прислушивалась к тому, что происходило за дверью.

— Кто же первый войдёт в дом? — ехидно спросила Наташка.

Мишка зачем-то поддёрнул новые штаны повыше, нахмурил светлые брови, взял у меня лопату и, побледнев, решительно отворил калитку. Он не сделал и двух шагов, как со-



бака проворно повернулась и молча бросилась к нему. Уронив лопату и банку, Мишка пулей вылетел за калитку и навалился на неё плечом. Собака обнюхала лопату, потом подошла к калитке и, встав на задние лапы, просунула между жердинами чёрный нос и понюхала Мишкину голову. Стоя на задних лапах, собака была гораздо выше нас.

— Она сейчас Мишке голову откусит! — прошептала Наташка.

Но собака не стала откусывать Мишке голову, она раскрыла красную пасть и оглушительно гавкнула. Мишка медленно сполз на землю, не забывая придерживать калитку. Он, наверное, решил, что у него уже нет головы.

Дверь распахнулась, и на пороге показался высокий худощавый мальчишка в синей куртке на блестящей молнии и коротких зелёных штанах с карманами. На ногах красные сандалеты.

— Орион! — сказал мальчишка. — Ко мне!

Собака, виляя веером-хвостом, подбежала к нему. Он потрепал её по лохматой шее и посмотрел на нас.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался мальчишка. — Вы к тёте Марье?

Мишка всё ещё сидел на земле и шарил руками в траве.

— И камня, как назло, под рукой нет... — сказал он.

— Насчёт камня поосторожнее, — заметил мальчишка. — Орион этого не любит.

— Эй, как тебя там? —

спросил Мишка. — Брось сюда лопату и банку.

— А как же черви? — усмехнулась Наташка.

Мишка не ответил. И вид у него был сконфуженный. Мишка отчаянный парень, но этот Орион — я такого собачьего имени ещё не встречал, — кого угодно напугает. У него пасть как у льва. Туда запросто моя голова может пролезть. В последнее время я заметил, что Мишка перестал возражать Наташке. А когда она на него смотрит своими насмешливыми серыми глазами, он отворачивается и даже краснеет..

Мишка окончательно втрескался в Наташку. Дня без неё прожить не может. Я уже два раза носил ей записки от него. Это когда она ногу подвернула и четыре дня из дому не выходила.

Мальчишка в коротких штанах поднял лопату, консервную банку и передал Наташке, которая подскочила к калитке.

— Как тебя звать? — спросила она.

— Жень, — ответил мальчишка. — А тебя?

Наташка сказала. Мишка исподлобья посмотрел на неё и отвернулся.

— Ты в цирк готовишься? — спросила она. — Я видела, как ты через голову прыгал...

— Чего мы тут потеряли? — сказал Мишка. — Пошли.

Я забрал у Наташки лопату и банку. Она даже не заметила. Протянула между жердинами свою тонкую руку, но до-

тронуться до Ориона не решилась.

— Он кусается? — спросила она.

Мальчишка улыбнулся. Один зуб у него наполовину сломан. Волосы чёрные и чёлкой спускаются на лоб.

— Погладь, — разрешил он.

Наташка тут же запустила пальцы в густую собачью шерсть.

— Ориончик... — засюсюкала она. — Ориоша... Хорошая собачка... А что такое Орион?

— Такую чепуху не знает... — сказал Мишка. — Звезда какая-то...

— Так называется созвездие, — поправил Женя. — Оно как раз над экватором...

— Над экватором? — удивилась Наташка. — Когда мы возьмём щенка, я его Экватором назову.

— Созвездие Ориона граничит с созвездиями Тельца, Близнецов, Зайца, Единорога... — сказал Женя.

— Я был в Ленинграде, в Планетарии, — сказал мне Мишка. — Там про все звёзды и планеты рассказывают.

— А какой породы Орион? — спросила Наташка.

— Ньюфаундленд, — сказал мальчишка.

— А что это такое?

— Такую чепуху не знает... — сказал Мишка. — Полуостров в Америке.

— Остров, — опять поправил мальчишка. — И не в Америке, а в Канаде. От Америки он отделяется проливом Белл-Айл.

Мишка готов был лопнуть от

злости. Второй раз подкузьмил его Женя. Да ещё в присутствии Наташки.

— А ты видел когда-нибудь ропуху? — спросил Мишка.

— Ропуху? — удивился Женя. — А что это такое?

— То-то, — сказал Мишка и кивнул мне: — Айда!

Когда мы отошли на приличное расстояние, я спросил:

— Про какую это ты толковал ропуху?

— «Ориончик... Ориончик...» — передразнил Мишка. — Ну и пусть целуется с ним...

— С кем? — спросил я.

— Как будто я обязан помнить про все звёзды и острова...

— Кто же это ропуха? — снова спросил я.

— Отстань, — сказал Мишка.

Я оглянулся: мальчишка вывел из сеней велосипед «Орлёнок», посадил на раму Наташку и покатил по тропинке вдоль забора. Орион бежал рядом. Пасть его открылась, и оттуда вывалился длинный красный язык.

— Полюбуйся, — сказал я. — Повезли красавицу твою...

Мишка даже не оглянулся. Шагал по дороге, загребая боковыми ногами тёплую пыль.

— Куда же это они поехали? — сказал я. — Свернули на тропинку... На станцию покатали!

Мишка остановился и со злостью посмотрел на меня.

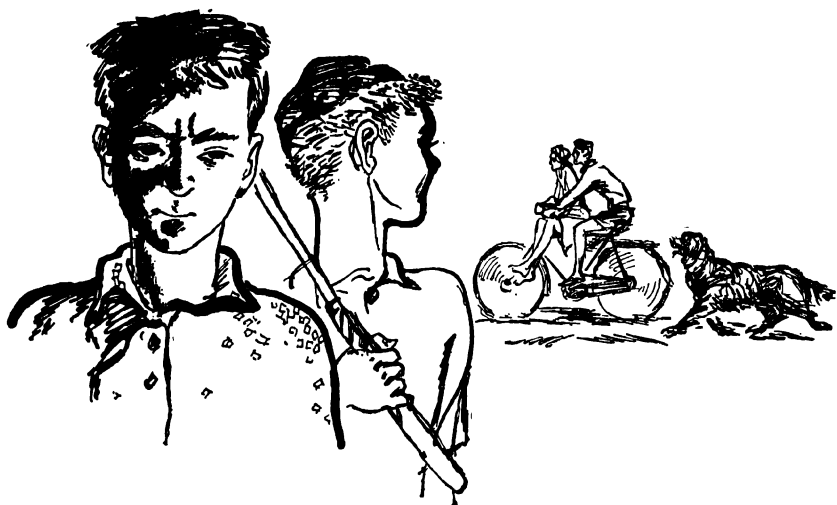
— Мне наплевать, куда они поехали, — сказал он. — А будешь подъелдыкивать...

— Ладно, ладно, — миролюбиво сказал я. — Пошли выкупаемся?

**ПРОШЛО** несколько дней. Жара стояла невыносимая. Солнце с утра поднималось на безоблачное небо и пекло до самого вечера. Даже птицы не летали в небе. Один только ястреб да ещё злые рыжие слепни. Они налетали неожиданно и начинали кружиться, норовя сесть между лопаток, где их не достанешь.

де электрический насос. Включил рубильник — и белая мощная струя бьёт из шланга...

Полив ненасытные грядки, мы бежали на речку. И купались до синих пупырышек на теле. Речка хотя и не широкая, но зато глубокая. В омуте, напротив конюшни, только Мишка доставал дно. Говорили, что там живёт огромный сом. Иногда вечером он поднимается на поверхность и тогда раздаётся громкий всплеск. Но Мишка только посмеивал-



Мы уж и забыли, когда был последний раз дождь. В такие дни нам с Мишкой достаётся! Нужно утром и вечером поливать грядки в огороде. Пятьдесят вёдер утром и пятьдесят вечером. Под конец кажется, что вёдра оттянули руки до земли. Мы с Мишкой с ненавистью смотрели на знойное небо и ждали дождя. Наташка тоже поливала свой огород. Только она не таскала воду в вёдрах из колодца. Её отец — механик — установил в огоро-

ся и, когда его очень просили, нырял в омут и доставал горсть чёрного ила.

Мальчишка с собакой тоже приходил на речку, но он не купался вместе со всеми. Уходил на излучину и там плавал с Орионом. Мне было интересно посмотреть, как плавает такая большая собака, тем более что мы слышали возглас: «Апорт!» Но Мишка не соглашался идти туда.

— Такая собака больше поросёнка сожрёт, — говорил он.

Каждое утро, в восемь часов, Женя садился на велосипед и уезжал на станцию к пассажирскому поезду, который прибывал из Москвы. Вместе с ним на станцию бегал Орион. Когда он появлялся на улице, наши деревенские собаки поджимали хвосты и прятались в подворотни. Они тоже ещё не видавали таких псов. Впрочем, Орион не обращал на них внимания.

Я спросил у Наташки, — она ведь всё знает, — зачем Женя каждое утро мотается на вокзал.

— Свежие газеты покупает, — ответила Наташка.

Зачем ездить такую даль, когда их в деревню к обеду почтальон приносит? Встречаясь с нами, Женя всегда здоровался. Я отвечал, а Мишка что-то бурчал под нос. Как-то Женя сказал:

— Где здесь шуки водятся? У меня отличный спиннинг, пойдёмте покидаем?

— Не до рыбалок нам сейчас, — сказал Мишка. — Вон засуха...

Какое отношение к рыбалке имела засуха, я так и не понял. А на щучью заводь стояло бы сходить с Женей. У меня спиннинга не было, а он наверняка дал бы мне с берега покидать.

— Вот такую шуку дядя Федя вчера поймал у плотины... — показала Наташка. — Пойдём?

Они ушли, а Мишка насутился. Если бы не Орион, он подрался бы с Женей. Вернулись они через два часа и пу-

стые. Женя взял с собой всего одну блесну, она за корягу зацепилась и осталась в речке. А достать её не удалось. Даже Орион не смог. Это нам Наташка объяснила.

— А при чём тут Орион? — удивился я.

— Орион ныряет, как утка, — сказал Женя.

— Может быть, ваш Орион и летать, как лебедь, умеет? — язвительно спросил Мишка.

Пёс, услышав своё имя, поднял голову и посмотрел на Мишку. Мне даже показалось, что он усмехнулся.

— Если Орион увидит, что человек тонет, он его спасёт, — сказал Женя.

— Ему это хоть бы что, — поддакнула Наташка. — Я видела, как он ныряет.

— Не смешите меня, — сказал Мишка. — Собаки не могут нырять. Разве что одни спаниели... Если в уши попадёт вода, собака умрёт.

— Чепуха, — улыбнулся Женя.

— Я же видела, — сказала Наташка.

— Спорим на американку, — сказал Мишка. — Я сейчас нырну, а он пусть меня спасает...

— Проиграешь, — сказал Женя.

— Вовка, разбивай, — подмигнул мне Мишка.

Я ударил их по рукам.

— Место я сам выберу, — заявил Мишка.

Женя не возражал.

**МИШКА**, конечно, выбрал омут. Тот самый, в котором никто дна не мог достать,

кроме него. И в котором якобы водился большой сом. Мишка сбросил рубашку, штаны и остался в одних трусах. Трусы у него широкие и почти до колен. Наверное, мать по ошибке отцовские дала. Мы стояли на берегу и смотрели на него. Женя подозревал Ориона и стал гладить по голове. Пёс с любопытством наблюдал за Мишкой, который спустился к воде.

— Я отпущу, когда ты скажешь, — предупредил Женя.

Он взял Ориона за ошейник. Пёс смотрел на Мишку и тяжело дышал. В такой роскошной шубе ему было жарко. С языка капала на землю слюна.

Мишка отплыл на середину омута и, вытаращив глаза, дурным голосом закричал:

— Кара-у-ул... Тону-у!

И, набрав воздуха, нырнул. Орион рванулся вперёд, едва не свалив хозяина. Женя только успел сказать: «Спасай! Спасай!» — и отпустил. Пёс с берега бухнулся в речку. Проплыв немного, волчком завертелся на одном месте.

— Спасай! — крикнул Женя.

Орион посмотрел на него и, выбросив вверх передние лапы, с всплеском скрылся под водой.

— Что я говорила! — ликовала Наташка. Она, не отрываясь, смотрела на омут. По чёрной глади расходились круги.

Я стал про себя считать. Что-то долго сидит в омуте

Мишка. А вдруг его сом за пятку схватил? Когда я досчитал до ста, вода всколыхнулась и на поверхности показался сначала мокрый обвисший хвост, а затем ноги Ориона. Он толчками пятился из глубины. Зубами пёс вцепился в Мишкины трусы. Мишка крутил головой, фыркал, а одной рукой придерживал трусы, которые растянулись, как продуктовая сумка.

— Отпусти, говорю! — бормотал Мишка, пытаясь вырваться, но пёс крепко держал его за трусы и, смешно хлопая лапами по воде, продвигался к берегу. Мишке ничего не оставалось, как помогать ему руками. У самого берега Мишка хотел было встать, но Орион поволок его на песок.

И тут произошло такое, о чём без смеха невозможно вспоминать... Мишка снова попытался вырваться, но вместо этого выскользнул из трусов и оказался совсем голым. Наташка ойкнула и закрыла смеющееся лицо руками. Женя бросился к Ориону, но побавивший Мишка уже вскочил на ноги и стремглав помчался по траве к кустам, которые, как назло, были метрах в ста от берега. Пёс с трусами в зубах бросился за ним.

— Ко мне! — кричал Женя. — Кому говорю, ко мне!

Орион нехотя вернулся. Женя выхватил из его пасти мокрые Мишкины трусы и протянул мне.

— Зачем вырывался? — сказал он. — Орион ведь не знает, что он нарочно. Он спа-

сал, а утопающие не вырываются...

Я с восхищением смотрел на пса, который бегал вокруг меня и лаял. Его интересовали Мишкины трусы. Брызги от шерсти летели во все стороны.

— Ай да пёс! — сказал я.

Мне хотелось погладить Ориона, но тут я вспомнил про Мишку, который голый и злой сидит в кустах. Я побежал к нему.

— Я ничего не видела, честное слово! — крикнула вслед Наташка, давась от смеха.

Я нашёл Мишку в самой гуще ольшаника и отдал трусы. Не глядя на меня, он выжал их и надел. Ноги и бока его были оцарапаны. Это когда он продирался сквозь кусты.

— Ушли они? — спросил он.

— Ну ты и драпал... — улыбаясь сказал я.

— Может быть, мне теперь утопиться?

— Наташка говорит, что ничего не видела, — сказал я.

— Драться, — сказал Мишка. — Только драться. Не на жизнь, а на смерть!

**Н**А следующий день я отправился к дому тёти Марьи с не очень-то приятным поручением. Я должен был передать Жене, что Мишка хочет с ним драться. Сегодня вечером возле поваленной берёзы. Миша сказал, что только кровью можно смыть этот позор.

У калитки я остановился. Откроешь, а Орион как налетит... Женю я увидел на крыше. Он стоял на самой кромке

и готовился прыгнуть. Я услышал глухой удар о землю. Орион радостно приветствовал его внизу. Женя поднялся с земли, — он не удержался на ногах, — и увидел меня.

— Заходи! — крикнул он.

Я подошёл к стене и посмотрел вверх: высоко. Метра три будет. Женя подошёл к жердине, вбитой посередине лужайки и, ухватившись одной рукой, стал кружиться вокруг. Он долго кружился, мне даже надоело смотреть на него. Когда он отпустил жердь, то глаза его косили, он пошатывался.

— Это зарядка такая, что ли? — спросил я.

— Тренировка, — не сразу ответил Женя. — Попробуй!

Я подошёл к жердине и несколько раз неловко крутнулся вокруг неё.

— Вот так надо, — отстранил меня Женя.

И показал, как нужно обхватывать жердину рукой.

— Видел, сколько раз я крутнулся? Сто восемьдесят, — сказал он. — А ты тридцать витков сделаешь и с катушек долой...

— Это мы ещё посмотрим...

Я крутнулся ровно тридцать раз и отпустил жердь. Меня какая-то непонятная сила поволокла в сторону, крыша дома задралась, и я шлёпнулся на траву. Попробовал встать, и снова упал.

Женя стоял рядом и, хлопая себя руками по голым ляжкам, хохотал.

— А как же они на центрифуге? А на кувыркающемся



кресле? А в барокамере? — говорил он.

Когда мир перестал вращаться вокруг меня, я наконец встал и посмотрел на него.

— Какая ещё центрифуга? — спросил я.

Он взял газету, которая лежала на садовой скамейке, и стал просматривать. Потом взглянул на меня и со вздохом сказал:

— Всё нет сообщения...

— Сообщения?

Он сложил газету и бросил на траву:

— Ну, например, о запуске космонавтов...

— Давно не запускали, — сказал я.

— Запустят.

— На Луну?

— Может быть, и на Луну...

— Скорее бы, — сказал я. — А то американцы первыми запустят...

— Думаешь, так-то просто? На Луну могли бы уже давно отправить космический корабль, но как назад вернуть? Вот задача. Ты знаешь, что на Луне сила тяжести в шесть раз меньше, чем на Земле? А расстояние до Луны?

— Триста восемьдесят ты-

сяч, — сказал я... — С хвостиком.

— Луна вращается вокруг Земли по эллипсу... А это значит, что она то приближается к нам на расстояние триста пятьдесят четыре тысячи километров, то удаляется до четырёхсот шести тысяч километров... Если хочешь знать, сейчас Луна приближается к Земле. Сейчас самое время для старта.

— Ладно, хватит про Луну, — сказал я. — Вот что: Мишка вызывает тебя драться. Понял?

— Может и так получиться, — продолжал он: — прилунится космонавт, а на Землю не сможет вернуться... И будет жить там, пока за ним не прилетят другие... Ты только подумай — человек на Луне! Он живёт там и смотрит на Землю. Ждёт, когда за ним прилетят. А на Земле его ждут... жена, дети.

— Будешь драться? — спросил я.

— Драться? — взглянул на меня Женья. — С Мишей? Если он хочет, пожалуйста... А из-за чего мы должны драться?

— Не на жизнь, а на смерть, — сказал я.

(Окончание следует)



Каждый из вас умеет играть в шашки. А кто знает, давно ли существует эта, ставшая народной, игра? Может быть, некоторым она кажется простенькой. Знаменитый шахматист Эммануил Ласкер, который 27 лет удерживал титул чемпиона мира, сказал: «Шашки — мать шахмат, и достойная мать!» Он имел в виду и мудрость игры, и давность ее возникновения.

## ПИРАМИДЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Древним Египтом управляли фараоны.

Когда новый фараон вступал на престол, сразу же начиналось строительство пирамиды. Именно для этого фараона. Понятно, ни сам фараон, ни его вельможи пирамид не строили. Полей они тоже не возделывали. Науками не занимались. Времени у них свободного было хоть отбавляй! Куда его деть? Стали играть в шашки. И увлеклись, конечно!

Особенно прославили себя как шашкисты древние вельможи Тету — Кабин и Мернкер. Когда на знаменитом «поле пирамид» производили раскопки, то обнаружили гробницу, сооружённую для Кабина. Роспись её стен передаёт, как этот вельможа проводил время: в рыбной ловле, в охоте и за игрой. Во что же он играл? Об этом говорят расставленные на доске совершенно одинаковые шашки! За игрой наблюдают юноши и женщины — сыновья и жёны Кабина. У них крайне печальные лица. Почему? Что случилось? Вероятно, вельможа так увлёкся игрой в шашки, что совсем забыл о них...

Кабин и Мернкер жили в 2700-е годы до нашей эры. Но подобные маленькие недоразумения, когда за шашками забывают выполнить какие-то необходимые дела, случаются иногда и в наши дни. Вот вы, например, не бывали похожими на Кабина? Не забывали за игрой, что ещё нужно приготовить уроки?

## БОГИ РАЗЫГРЫВАЮТ МАТЧ

В шашки играли даже боги! Ведь, выдумывая богов, люди придавали им человеческие черты. И хотя, конечно, до нас не дошли ни турнирные таблицы, ни записанные партии богов, но свидетельства о матчах между ними есть!

Греческий историк Платон поведал о том, что египетский бог Таот сражался в шашки с богиней Луны. Выигравший должен был получить приз, а проигравший — этот приз предоставить. Богиня, проиграв матч, преподнесла Таоту семидесятую долю от каждого дня. Тогда Таот собрал воедино все эти доли, добавил их к году и этим удлинил его на пять дней: раньше их было ровно 360, а стало 365.

Возможно, не будь этого матча, ваши каникулы длились бы на пять дней меньше!..



## СРЕДСТВО ОТ ГОЛОДА

Известно, что голод — большое бедствие. Он ежеминутно напоминает о себе. Попробуйте, испытывая голод, совсем не думать о нём! И всё же это выполнимо — так свидетельствует история.

Когда-то страну Лидию постигло несчастье — сильнейший неурожай. Жители её жестоко страдали от голода. И вот тогда, как сообщает древний историк Геродот, было найдено чудесное средство — шашечная игра. Лидийцы так увлеклись ею, что играли сутками напролёт, забывая о голоде. Ели они, чтобы сэкономить время для игры, один раз в два дня. Такой своей стойкостью лидийцы прославили не только себя, но и шашки. И не с тех ли пор берёт начало выражение — «его хлебом не корми — дай... в шашки поиграть»?

## НА «СВЯЩЕННОЙ ЛИНИИ»

Один из героев Троянской войны — полководец Паламед — плыл со своими воинами по морю. Наступило безветрие, и кораблям греков не удавалось сдвинуться с места. Воиннов одолевали уныние и скука. Чтобы подбодрить их, Паламед придумал новую игру. От скуки и следа не осталось: вся греческая армия начала с увлечением в неё играть. Это были греческие шашки.

В те времена изобретения не регистрировались, и патенты на них не выдавались, но имя изобретателя греческих шашек дошло до наших дней. А вот о правилах мы ничего не знаем, кроме того, что доска, на которой расставлены шашки, была пятилинейная, а каждый из партнёров наделялся пятью шашками. Одну из пяти греки называли «шашкой богов», а линия, на которой стояла «шашка богов», называлась «священной линией».

«Он двигает шашку со священной линии», — говорят греки о ком-либо, кого обстоятельства вынудили предпринять какие-то крайние меры. Эта поговорка даёт нам понять, что и

на доске «шашку богов» двигали лишь при отсутствии иных ходов.

## ПЕРВЫЕ ЧЕМПИОНЫ

Устраивались или нет в Древней Греции официальные шашечные турниры — неизвестно, но лучших игроков знали и уважали. Имена их встречаются в древнегреческих рукописях.

В одной из них говорится, что «Диадор из города Мегалополиса в совершенстве изучил все тайны этой сложной игры. Его комбинации всегда неожиданны и эффектны. Толпы людей собираются на улицах, чтобы посмотреть искусную игру непревзойдённого мастера. Богатые люди, покорённые красотой его игры, дарят ему драгоценные камни...»

## СМЕНА ДОСКИ

А давно ли появилась клетчатая доска, на которой играют не только в шашки, но и в шахматы? Оказывается, ещё в Древнем Риме! Именно там линейные греческие шашки были перенесены на новую доску, с раскрашенными в два цвета клетками.

Римляне считали свою игру военной. Называлась она — латрункули. «Каждый воин должен знать своё место в бою», — говорили римские полководцы. Поэтому и в игре каждая шашка занимала определённую клетку и ей предопределялась та или иная задача в общем плане.

В известной книге — энциклопедии Исихора Севильского (560—636 гг.) — есть упоминания и о латрункулях. Вот что говорится там о ходах:

«Шашки двигаются частью в порядке, частью туда и сюда; почему одни называются обыкновенные (ординарии), а другие блуждающими (ваги). Те, которые не могут быть вовсе сдвигаемы, называются «пришедшими в отчаяние».

Сравним древнеримскую игру с современными шашками. Узнаёте? Ординарии — это, конечно, простые шашки. Ваги — дамки. А что за

шашки, которые «пришли в отчаяние»? Скорее всего, это запертые шашки.

Клетчатая доска, сменив греческую линейную, и до сих пор служит народам всех стран для игры в шашки и шахматы.

### ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Когда в Древнем Риме был раскрыт заговор против сумасбродного, жестокого тирана Кая Калигулы, заговорщиков, закованных в кандалы, бросили в мрачную подземную тюрьму. О последних часах жизни одного из них рассказывает римский философ Сенека.

Некто Юлиус Канус был приговорён к смертной казни. За ним пришёл отряд солдат. Сотник, войдя в камеру, увидел, что Канус и другой заключённый играют в шашки.

— Кончай! Тебя приказано казнить, — сказал сотник.

Канус прекратил игру и направился к выходу, но вдруг остановился и повернулся к партнёру:

— Смотри не соври после моей смерти, что выиграл у меня!

Затем вернулся, пересчитал шашки и обратился к сотнику:

— У меня одной шашкой больше. В случае чего ты будешь свидетелем!

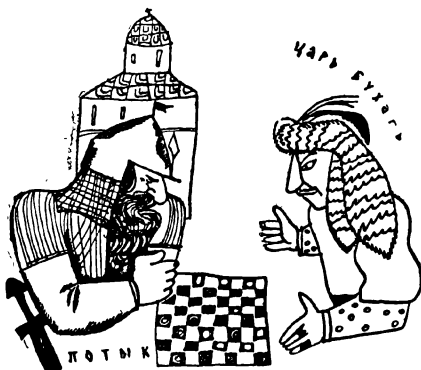
### НА РУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Когда же появились шашки на наших землях? Считалось, что со времён Киевской Руси, так как было установлено, что киевский князь Владимир Мономах (XI—XII века) играл в шашки. Но не так давно археологи обнаружили в древнем могильнике в Киевской области остатки шкатулки и двадцать два кружочка — одиннадцать белых и одиннадцать черных. Шашки!

Ученые определили, что это захоронение было сделано в III—IV веках, когда в тех местах проживали славяне-анты — древние предки русского народа.

### ИГРАЮТ РУССКИЕ БОГАТЫРИ

Кто из вас читал былины, тот не раз встречал строчки, где рассказывается, как играли в шашки киевский князь Владимир Мономах, богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Михайло Потык и другие. Сражались они на шашечной доске и между собой, но главным образом — с заморскими богатырями. Вот что рассказывает одна онежская былина.



Русский богатырь Михайло Потык отправился с важным поручением князя Владимира к заморскому царю Бухарю. Бухарь намеревался начать поход на русскую землю, и Михайло должен был отговорить его от этого похода или, в крайнем случае, оттянуть время, пока русское войско успеет подготовиться к встрече с врагом.

Испроговорит царь Бухарь заморский

— Ты, Михайло Потык, сын Иванович!

Чим же нын у вас да на Руси забавляются?

— У нас же на Руси забавляются. Нын играют да в шашечки дубовыи,

Что ли ставят на дощечки кленовые.

До этого Бухарь много раз проигрывал Михайле в шашки. Теперь же, услышав, что шашками увлекаются все русские, Бухарь перепугался и отменил готовящийся поход.

## ИЗОБРЕТЕНИЕ УЗНИКА БАСТИЛИИ

Шашки распространялись, но в каждой стране правила игры приобретали свои отличия. Были, да и сейчас есть, шашки русские, английские, немецкие, испанские, турецкие и многие другие. Однако есть теперь и шашки международные — на столклеточной доске. Кто и когда предложил такую доску? Легенда говорит, что это произошло во Франции в начале XVIII века...

Однажды Людовик XIV, которого называли «король-солнце», приказал начальнику французской тайной полиции заключить в Бастилию некоего знатного дворянина.

— Кому поручить следствие, Ваше Величество? Когда назначить суд? — спросил начальник полиции.

— Отсюда вы всё узнаете: и о следствии, и о суде, и о сроке заключения! — протянул ему лист бумаги «король-солнце». — Вы начальник полиции, а я должен объяснить вам, кто такой этот человек! Да разве вам не известно, что он опасный заговорщик?

После аудиенции начальник полиции рассмотрел бумагу, которую дал ему Людовик. Лист был совершенно чистым!

«Гм... Что бы это значило? Он сказал, что отсюда я всё узнаю о следствии, суде и сроке... Опасный заговорщик... Ба! Понятно! Тут ни слова о следствии — значит, без следствия! Ни слова о суде — без суда! Ничего о сроке — бессрочно!»

С этого момента судьба заговорщика определилась: его обрekli на пожизненное заключение в подземелье Бастилии. А это значило: постепенное одичание, затем сумасшествие и — смерть.

Но заговорщик не покорился, не пал духом! Чтобы не ослабнуть, он ежедневно проделывал гимнастические упражнения. Чтобы не притуплялся его мозг, лишённый впечатлений в безмолвной одиночке, он ежедневно задавал ему длительную работу.

И вот однажды коридорный сторож, заглянув в глазок, заметил, что

узник стоит у стола и то туда, то сюда переставляет маленькие комочки хлебного мякиша. Сторож вошёл и, подойдя к столу, обнаружил нацарапанную на нём шашечную доску. Видимо, сторожу было скучно, и он предложил сыграть одну партию. За первой последовала вторая, потом ещё... И с того дня сторож и заключённый стали коротать время за шашечной доской.



Шли годы... Умер один Людовик, давно уже стал королём другой, а узник всё играл и играл в шашки со сторожем Бастилии. Но постепенно игра теряла для них интерес: каждый изучил секреты и приёмы противника, и партии слишком часто заканчивались вничью.

И тогда, заключает легенда, узник нацарапал ещё по два ряда клеток с двух бортов доски и сделал из хлеба ещё по восемь шашек. А утром, когда сторож зашёл в камеру, предложил ему сыграть партию по-новому. Игра на столклеточной доске понравилась обоим, и шашечные бои заключённого с тюремщиком возобновились с прежним азартом.

Скоро сведения об обновлённой игре проникли за пределы тюремных стен, а ещё спустя некоторое время весь народ Франции играл в шашки на доске, которая имела на 36 клеток больше прежней, 64-клеточной.



...Шёл сентябрь 1932 года. Вся страна отмечала юбилей Константина Эдуардовича Циолковского — семидесятипятилетие со дня его рождения. Первыми эту дату праздновали, конечно, земляки учёного — жители Калуги. Сюда, в старинный русский город на Оке, и приехал ранним утром московский гость, ещё молодой тогда писатель Лев Кассиль.

О своём знакомстве с Константином Эдуардовичем, о беседах с ним Лев Кассиль рассказал читателям в одном из своих очерков. Там есть такие строки:

«— Константин Эдуардович, как вы думаете, скоро я отправлюсь специальным корреспондентом на Луну?

Циолковский хохочет. Он смеётся удивительно легко и заразительно, радуясь, видимо, самому ощущению весёлого.

— Не-ет! Это не так скоро, совсем не так скоро. Много лет. Много лет. Сначала ещё пусть атмосферу завоюют. Стратосфера — вот куда нам надо. Стратосфера — это первый важный шаг по пути во Вселенную.

В комнату заходит на минутку гостящий в этот день у Циолковского его поверенный в Москве. Расслышав последние слова учёного, он с ходу врывается в разговор:

— Комсомол наш уж определённо полетит... Ракета сделала огромные успехи.

— Ой, не полетит ещё,—говорит Циолковский, лукаво поглядывая на своего поверенного.— Ну, ну, ладно, полетит. Не буду вас охлаждать... Увлечение необходимо в деле. И кто знает, впрочем... Может быть, и очень скоро. Мало ли что казалось недостижимым, а ведь достигли. Да, да! Освоят стратосферу, а потом, возможно, и дальше».

В очерке Льва Кассиля не названа фамилия человека, который «с ходу врывается в разговор». Сказано только, что это был поверенный Циолковского в Москве.

Так вот, познакомьтесь, пожалуйста, с этим человеком. Вы видите его на фотоснимке. Это Георгий Ильич Солодков, один из ближайших помощников Циолковского в последние четыре года его жизни. Георгий Ильич живёт сейчас в Ленинграде, в старинном доме на углу Измайловского проспекта и набережной Фонтанки. Несмотря на преклонный возраст (Геorgию Ильичу идёт девятый десяток), он помнит даже самые мельчайшие подробности своих встреч и бесед с Циолковским. Рассказывая о Константине Эдуардовиче, он называет имена, даты, перечисляет многие интересные события.

Вот запись беседы с Георгием Ильичом:

— Георгий Ильич, когда вы впервые встретились с Циолковским?

— Произошло это в тысяча девятьсот тридцать первом году, но

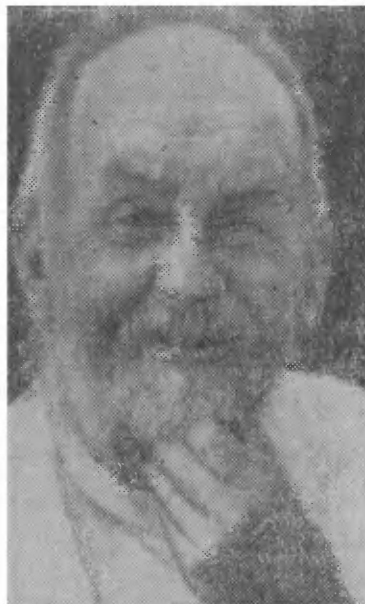
услышал я впервые о Константине Эдуардовиче задолго до этого, ещё в конце прошлого века.

А дело было так. В тысяча восемьсот девяносто седьмом году, когда я ещё учился в школе, мы однажды стали расспрашивать нашу учительницу о Луне. Нынешним ребятам, живущим в век космоса, наши вопросы покажутся смешными, но мы задавали их вполне серьёзно. Помнится, перед уроком, о котором я рассказываю, у нас был урок закона божьего. Учитель-священник говорил о том, как бог сотворил первых людей. Упомянул он и двух братьев — Каина и Авеля. В Библии о них написано, что Каин убил Авеля, за что бог жестоко его наказал. И вот один из нас спросил на следующем уроке учительницу, верно ли, что тёмные пятна на Луне — это рисунок лица Каина, которого бог сослал туда за грехи. Учительница рассмеялась: «Нет, друзья мои, это всё выдумки. Мы знаем о Луне пока ещё очень мало. Между прочим, в городе Калуге живёт человек, который собирается построить аппарат для полёта человека на Луну. Люди считают этого изобретателя сумасшедшим». Услышав такое, мы перепугались и больше вопросов не задавали.

А познакомился я с Константином Эдуардовичем, как уже было сказано, много позже, в тысяча девятьсот тридцать первом году. Приехав к нему по делу, я через некоторое время стал его секретарём.

— Вы знали Циолковского очень близко, часто общались с ним и с его семьёй. Расскажите, Георгий Ильич, подробней о Константине Эдуардовиче, о том, как он работал, как отдыхал.

— Рассказывать здесь можно очень много. Циолковский ведь был удивительным человеком. Великий учёный, указавший людям путь к звёздам, он до конца дней своих гордился званием школьного учителя. Он считал, что нет на земле звания выше и благородней. На своём юбилее, выступая перед земляками, Константин Эдуардович сказал так: «Мне было бы совсем



К. Э. Циолковский,

неловко, что вам из-за меня сегодня пришлось столько хлопотать. Ведь ничего такого существенного я вам ещё не дал. Это всё дело будущего. Но вот я себя чем утешаю. Тем, что из многих детей, которых я учил сорок лет, когда работал в школе, выросли хорошие люди. И я им помогал как мог. И они, многие из них, полюбили науку и кое-что узнали. Вот за это, как всякого учителя, который работал с душой, меня можно и чувствовать. Вот за это я вашу благодарность принимаю».

Циолковский был на редкость работоспособным. Когда я его узнал, Константину Эдуардовичу шёл восьмой десяток. Он, продолжая работать над своими проектами, писал статьи, занимался редактированием. По его поручениям мне приходилось бывать в Москве у десятков людей, решать множество вопросов. Был он человеком мягким, добрым, всегда готовым прийти на помощь. Одного не терпел — расхлябанности, лени. Тут уж Константин Эдуардович был непримиримым.

Всех, кто приходил к нему, Константин Эдуардович сразу же за-



писывал в свой «журнал посетителей». После этого старый учёный подолгу беседовал с пришедшим. Разговаривая, он устраивался поудобней в своём любимом кресле, которое позволяло ему полужать. Когда кто-нибудь говорил, что находиться в таком положении не очень-то удобно, Константин Эдуардович весело отвечал: «Напротив. Так много лучше — сердце отдыхает».

Комната Циолковского помещалась на втором этаже. Туда вела деревянная лестница, поставленная почти вертикально. В шутку я называл это скрипучее сооружение «лестницей трезвости». Константин Эдуардович, смеясь, говорил: «Верно, верно. По такой лестнице пьяному ни за что не подняться». Между прочим, сам Циолковский никогда не курил и не пил. Любил бродить по окрестностям Калуги. Но особенно увлекался ездой на велосипеде, считая её лучшим видом физкультуры. Была у него любимая пословица: «Будь здоров — и держись подальше от докторов».

Рассказчиком он был великолепным — весёлым и остроумным. До сих пор помню многие истории, услышанные от него. Вот одна из них.

Как-то, ещё до революции, Константин Эдуардович построил оче-

реднюю самоделку — водяной велосипед. Прогулки на нём по Оке доставляли всей семье большое удовольствие. Однажды, собираясь на Оку, Циолковский пригласил с собой знакомого священника. Константин Эдуардович работал педалями, а священник сидел сзади, важно поглядывая по сторонам. Циолковский сказал ему: «Что же вы, батюшка, без дела маетесь. Садитесь на моё место, поработайте педалями». Священник согласился. А когда подъехали к берегу, он произнёс, вытирая залитое потом лицо: «Теперь приходите вы ко мне — дрова колоть. Ей-богу, не тяжелее».

— Георгий Ильич, в вашем личном архиве хранятся многие документы, рассказывающие о жизни и



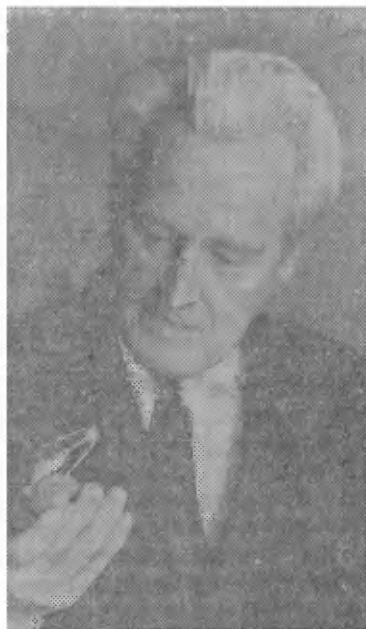
работе Циолковского. Есть у вас, поди, и письма Константина Эдуардовича. Познакомьте нас, пожалуйста, с некоторыми из этих документов.

— Ну, прежде всего, хочу показать вам одну старую газету. Это «Калужский вестник» от двадцать шестого ноября тысяча восемьсот девяносто шестого года. Вот здесь есть статья (тогда её называли «научным фельетоном»), которая называется «Может ли когда-нибудь Земля заявить жителям других планет о существовании на ней разумных существ?» Написал эту статью Константин Эдуардович Циолковский. Семьдесят лет тому назад скромный учитель физики из города Калуги утверждал, что недалеко то время, когда человек выйдет в просторы Вселенной и когда он сможет убедиться в том, что на других планетах, в том числе и на Марсе, существует разумная жизнь. Что же удивительного в том, что церковники объявляли статьи и книги Циолковского противными богу, а перепуганные обыватели называли учителя сумасшедшим.

Вот одно из писем Константина Эдуардовича, написанных мне из Калуги в Москву. В нём он сообщает о своих делах. В приписке есть такие строки: «Несмотря на болезнь, утро провожу в работе: над дирижаблем и многим другим...» В этой фразе — весь Циолковский. Даже болезнь ничего не могла поделать с этим сильным и упорным человеком. Он продолжал трудиться — и болезнь отступала.

И ещё хочется мне показать одну рукопись. Это перепечатанный на машинке полный текст моей книги «Завоевание неба». Книга была издана ещё при жизни Константина Эдуардовича. Он и редактировал её. И дал о ней такой отзыв:

«Сочинение Солодкова и Миконича почти не содержит повествовательного балласта, и это мне нравится, это в моём духе. Книга даёт много полезного исторического и научного материала, как юношеству, так и всем мыслящим



Г. И. Солодков.

людям. Читать её не только развлечение, но и дело.

**ЦИОЛКОВСКИЙ».**

Конечно, такой отзыв дорог и сам по себе. Но я хочу сказать, что главное в нём — это взгляд Константина Эдуардовича на то, как нужно писать научно-популярные книги. Чтобы никакого «повествовательного балласта», то есть ничего лишнего. И чтобы чтение книги было не только развлечением, но и делом.

**ПЕРЕДАВАЯ** привет читателям «Искорки», Георгий Ильич сказал:

— Мне выпало в жизни большое счастье — работать под руководством Константина Эдуардовича Циолковского. Он был великим учёным и великим мечтателем. Вам, дорогие мои юные друзья, я хочу сказать: учитесь. Учитесь так, чтобы вырасти достойными гражданами нашей Родины — Земли, которая даёт человечеству таких людей, каким был Константин Эдуардович Циолковский.

Записал беседу  
Б. ЧЕРНЯКОВ



**П**ОУТРУ тихо и необыкновенно прозрачно в музее. Зимнее солнце висит сбоку от Инженерного замка, как странный фонарь, свет которого зажигает огнями хрустальные подвески люстр, золотит паркет зала, расписные плафоны, на тёмных картинах художника Ге проясняет силуэты людей и куски белых одежд. Кажется даже, что вовсе и не в музее ты, а в некоей волшебной комнате, полной чудес и неожиданностей. Наиболее же удивительны под таким светом скульптуры. Обычно безжизненные, они вдруг оживают, приобретают какие-то новые, не виданные ещё свойства: становятся совсем не кусками мрамора или бронзы, а беспрестанно изменяющимися, живыми существами.

Так мне казалось, когда я стоял и смотрел на небольшую бронзовую скульптуру, которую, конечно же, я видел много раз, но впервые по-настоящему увидел только сейчас, только в это утро. Да в сущности, она ничем и не привлекала ранее меня: странно одинокая посреди зала, потемневшая от времени, с сухим, как мне, казалось, названием, скорее напоминающим документ. И вот сейчас я тоже старался не думать о названии, как будто оно мешало мне, это название, а любовался переливами солнечного света, изяществом тела молодого киевлянина, его победной улыбкой. Вдруг рядом с собою увидел я мальчишку, обыкновенного мальчишку в обыкновенной школьной форме. И на мгновение



показалось мне, что этот мальчишка рядом со мною и бронзовый киевлянин чем-то похожи. Правда, живой мальчишка был моложе, меньше, но, возможно, именно такого же обыкновенного мальчишку изобразил скульптор. Ибо мальчишки, наверное, всегда и везде одинаковы.

— Ты знаешь что-нибудь об этом киевлянине?—спросил я мальчишку, указывая на скульптуру.

— Нет, — чуть помявшись, ответил он. Тогда я отвёл его к окну, чтобы нам было удобнее смотреть на бронзового юношу, и рассказал следующую историю, которую сам я тоже услышал в детстве.

**НЕСЧАСТНЫМ** было то лето для Руси, для Киева. Полынью да пожарищами понесло со степи, покрылось небо пылью от копыт конских, померкло солнце от копий, застонали леса,—рубили враги для костров вековой лес киевский. А вокруг города звучали песни боевые. Чужие песни то были: незнаемая орда прихлынула со степи к Киеву, окружила его по низу—одни стены торчали на горюшках.

То лето выдалось безводным. Повыхали тайные колодцы в городе. И к Днепру подойти невозможно: темнели рядами вокруг печенеги, сверкали копьями, нагрудниками и щитами. И лошади их жадно ржали, пожрав всё кругом.

В Киеве каждый новый день приносил несчастья и горе: умирали люди от голода и жажды. Но не хотели киевляне идти в полон к печенегам. Ольга, мать Святослава, с тоской ходила по городу, с тоской смотрела вдаль, ждала сына и не знала, дожждётся ли.

Появился на другой стороне Днепра отряд русский с воеводою Претичем. Был он послан с малой дружиной от Святослава—тот на Дунае сидел и княжил у болгар—к Ольге с дарами. К Днепру отряд подошёл, а перейти не решался: мало у него людей было, печенегов же тысяча тысяч. Так и стояли русские воины напротив Киева.

Тем временем в Киеве гул пошёл, собирались люди на вече и говорить стали.

— Доколе же помирать будем? Хлеба нет и воды нет! А Претич с дружиной стоит и не помогает нам. Дети наши мрут, матери наши стонут.

И вышла Ольга перед людьми и сказала:

— Пусть кто-нибудь из нас к Претичу пойдёт, скажет ему, что нету уж более силы крепиться.

Выслушали со вниманием Ольгу—Ольга власть большую имела, знала много, византийский царь за ум ценил Ольгу,—но горестно покачали головами: в городе-то одни старики да дети остались, воины все ушли со Святославом. А для

такого дела, о котором Ольга говорила, нужны были люди ловкие, смелые и быстрые, чтобы через стан печенегов проникнуть да Днепр переплыть.

— Нет,—сказали люди,—нет у нас таких, одни немощные.

— Я пойду!—прозвенел вдруг в толпе голос, а вслед за тем появился мальчишка. Звали его Васильком. В Киеве тогда народу немного жило, все друг друга знали. Мать у него была старая женщина, отца же убили греки, когда Святослав на них ходил. Закричала мать:

— Не пошу я его! Молодой он ещё, ему четырнадцати нету!

— А я пойду!—упрямо сказал Василько и опустил голову, чтобы не видели, как покраснел он.

— Почему ты решил, что пойдёшь?—спросили люди.

Василько поднял голову и, прямо смотря на всех, ответил:

— Когда жив был мой отец, брал он меня с собою на дальнюю заставу, что на восток от Киева. Там встречались мы с людьми печенежскими, и оттого я знаю немного их язык и объясниться с ними могу, если пойду через их стан, чтобы за своего приняли. А Днепр я много раз переплывал!

С одобрением смотрели на него жители и гордились тем, что дети у них смелые и отважные, но и решиться не могли послать мальчишку на смерть верную. Молчали они. Долго молчали. И слышны были лишь песни печенежские, звон оружия, ржание лошадиное. И от этих звуков всё яснее становилось, что выбора нет у Киева, что есть только маленькая возможность спастись, и эта возможность зависит от мальчишки, вот от Василька.

И сказал глубокий старик, который ещё с Олегом на Царьград ходил:

— Думай не думай—всё одно! Придётся послать нам Василька к Претичу. И потому просим мы разрешения у его матери на это дело, ибо только от неё сейчас зависит судьба города.

И закричал народ, согласившись со стариком:

— Разреши, матушка, послать сына твоего на дело геройское во спасение города нашего!

Заплакала мать, но знала уж, что отказать всему народу не сможет. Поняла она, что Василько не только сын её, но и житель города, что русский он, что воин будущий.

Понял народ киевский горе матери, но догадался, что согласна она, и сказал:

— Иди, Василько, к Претичу! Скажи, ждём его завтра здесь. Знаем, что малая дружина у него, но пусть не боится. Как затрубит он в боевые трубы, так поднимем мы здесь крик да звон такой, что печенеги перепугаются, подумают, что Святослав явился с дружиною!

Василько попрощался с матерью и пошёл к стене городской, чтобы через неё уж попасть в стан печенежский. Ни лука, ни стрел, ни меча он не взял, а взял одну лишь уздечку. Мыслил он коня поймать печенежского да на нём и ускакать от врагов своих, если удача будет. А когда влез он на стену киевскую, то невольно напугался, ибо от края

и до края горели костры печенежские и стояли шатры их, как волны морские. И сверкала багово от костров да луны вода днепровская. Хоть и страшно было Васильку, но деваться некуда. И пошёл он сквозь стан печенежский к реке, к броду, о котором мать ему напоследок сказала и о котором знали лишь старые люди.

Однако не успел он и шага сделать, как схватила его чья-то рука и кто-то спросил:

— Ты кто такой?

— Я коня ишу. Видишь, уздечка! — ответил Василько по-печенежски и сразу же был отпущен.

И понял Василько, какую хитрость придумать. И побежал он тогда мимо шатров, костров мимо и кричал:

— А не видел ли кто коня?

Печенеги же принимали его за своего, потому что кричал он на их языке, а поскольку было совсем темно, то и не видели, как одет он был и сколько ему лет. Так удачливо добежал Василько до тайного брода, пошёл по нему — вначале



тихо, а затем всё быстрее... Тут-то и услышали всплеск печенег!.. Закричали они, загорланили, стрелы стали пускать.

Упал Василько в воду, — стрела ему в спину попала, и чуть не насквозь. Поплыл весь в крови.

— Ты откуда взялся, малец? — удивлённо спросил Претич, увидев, что перед ним совсем ещё маленький мальчишка.

— Из Киева я, послали меня люди к тебе... — прошептал Василько и закрыл глаза, ослабел он очень и не мог говорить.

Дали ему воды и меду. Выпил Василько меду, окреп немного.

— Спешу, Претич, к Киеву! — сказал он. — Нет там ни хлеба, ни воды. Выступишь ты, и помогут тебе...

Крикнул Претич дружину на совет.

— Киев просит помощи. Что вы думаете, дружинники?

— Веди, Претич, нас! Там наши дети и матери. Лучше от врагов погибнуть, чем видеть, как они в прислужниках печенегам ходят.

— Ну что ж, дружинники, вы сказали вашу волю. Тогда завтра подступим на лодках, захватим княгиню и её детей, умчим на эту сторону и всех людей города. А сейчас отдыхать, ибо завтра сеча будет тяжкая.

Ушла дружина спать, а Претич остался у Василька, гладил лицо его, и текли по щекам воеводы старого слёзы.

А утром, как только встало солнце, выступила дружина на лодках, затрубила в боевые трубы, и сразу же ответили из Киева тоже трубами и криками, и печенеги от того шума растерялись и пропустили Претича к Киеву. Вышли из города люди, встречали Претича. Но не успели они дойти до русских воинов, как поняли печенеги, что обманули их, и двинулись на рус-

ских. Впереди же был князь печенежский Куря. Подошел он к Претичу и спросил:

— Не Святослав ли ты?

— Нет, — ответил Претич. — Я воин его, и пришёл со сторожевым отрядом, а за мной идут воины князя — бесчисленное множество.

Так ответил Претич, пугая печенега. И, напуганный, печенег сказал:

— Так будь мне другом!

— Пусть будет так, — ответил Претич.

Тогда обменялись они подарками. Печенег подарил Претичу коня, саблю и стрелы, а Претич подарил князю печенежскому броню, щит и меч. И после этого отошли печенеги в степь, дав жителям встретить дружину.

— Где сын мой, где Василько? — плача, спросила старая мать Претича. Склонил Претич голову, не сказал, что умер Василько поутру, так и не открыв глаза.

Принесли Василька на мечах в Киев. Подняли на самое высокое место и похоронили там, чтобы знали и помнили русские люди о Васильке, чтобы были такими же смелыми и отважными, как он.

**Н**А этом я кончил свой рассказ, и, стоя у окна, ещё долго смотрели мы на удивительную работу русского скульптора М. А. Чиждова, которой уже более ста лет и которая носит такое сухое, хотя нет, совсем не сухое название: «Киевлянин с уздечкой, пробегающий через стан печенегов». Затем мы пошли в следующий зал, но, дойдя до дверей, оглянулись и вдруг увидели, что киевлянин улыбается нам. Да, да, он улыбался настоящей, живой улыбкой, глаза его сверкали под солнечным светом, и, протягивая руку в нашу сторону, он как бы говорил нам:

— Не забывают меня!

# ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

## КОЛИБРИ

Это самая маленькая птичка в мире и одна из самых храбрых. Случается, колибри стаями, а то и в одиночку, кидаются на ястреба или сову. На что же надеется малютка в схватке с пернатым хищником? Дело, оказывается, в том, что колибри едва ли не единственные птицы, умеющие летать не только вперёд, но и назад и вбок. Только они умеют неподвижно «висеть» в воздухе на одном месте, как вертолёт. Вот эта высокая манёвренность, способность мгновенно, без разбега, взлетать и делает маленьких колибри храбрыми. Они знают, что всегда смогут

вовремя улететь от опасности.

В семействе колибри — 123 рода, 319 видов, 656 разновидностей. Есть колибри-«великаны», размах крыльев которых достигает 15 сантиметров, вес — 20 граммов. Они побольше иных воробьёв. Есть и малютки с размахом крыльев в 20—30 миллиметров. Таких на килограмм приходится штук 500—600.

Целый день колибри проводят в воздухе, перелетая от цветка к цветку (питаются они нектаром). Если пчела отдыхает, присаживаясь на цветы, то калибри и кормится на лету. Повиснет в воздухе над цветком, быстро-быстро махая крылышками, просунет длинный клюв вглубь и сосёт нектар. Поэтому у колибри очень сильные крылья.

Колибри называют тропической птицей. Но вернее было бы назвать её птицей Америки. Многочисленные семьи колибри расселились по обоим материкам, от Аляски до Огненной Земли.



## СОКРОВИЩА СО ДНА ОКЕАНА

Долго хранила Атлантика тайну испанского «серебряного флота», погибшего у берегов Флориды в 1715 году.

Недавно водолазам и аквалангистам одного американского спортивного клуба удалось обнаружить остовы четырёх из десяти затонувших парусников и проникнуть в их трюмы. Предания и сохранившиеся документы той эпохи не лгали. Пока удалось извлечь из трюмов затонувших су-

дов лишь часть легендарных сокровищ, но и она оценена приблизительно в 500 000 долларов.

Среди извлечённых сокровищ — золотая цепь длиной 3,5 метра, состоящая из 2176

звеньев. В качестве «брелока» к цепи прикреплён золотой дракон, который, как полагают, был изготовлен китайскими ювелирами в начале восемнадцатого века. Среди сохранившихся монет — дублоны с изображением Филиппа V, чеканенные в Мексико-Сити в 1714 году.

Как сообщили руководители водолазной группы, часть сокровищ будет продана на аукционе, а вырученные средства пойдут на финансирование дальнейших работ подводной экспедиции.



...стекло было изобретено ремесленниками Древнего Востока, оно известно человечеству не менее 3000 лет? Но лишь во II и I веках до нашей эры, когда была изобретена выдувная трубка и древние мастера стали изготавливать сосуды из прозрачного стекла дутьём, стеклянная посуда из предметов роскоши превратилась в достаточно дешёвую продукцию, наводнившую в I веке нашей эры рынки Римской империи, в том числе и античные города нашего юга.

★  
...единственное место в Европе, где ещё обитают обезьяны, это Гибралтар? Хозяева Гибралтара — англичане, заботятся о «жителях» скалы. Парламентом на их содержание выделяется из казны по 4 цента в день. В Англии существует поверье, что с гибелью последней обезьяны британцы должны будут покинуть скалу.

★  
...рыбаки ГДР выловили огромную щуку? Её вес — 50 килограммов, длина — 2 метра 30 сантиметров. Второе чудовище попало в сети рыбаков из Штральзунда. Это гигантская ко-

жистая черепаха весом около полутонны. Какими судьбами оказалась эта жительница жарких тропических морей в студёной Балтике, остаётся неизвестным.

★  
...в Игарке создан музей в вечной мерзлоте? Экспонаты его заморожены в лёд вдоль стен подземных камер. Это птицы Заполярья, рыбы. Скоро в музее появятся и другие представители фауны Севера. Экспонаты могут храниться тысячелетиями, — их не тронет время.

★  
...каналы Узбекистана соперничают по числу и протяжённости со знаменитыми каналами Марса? Общая длина голубых лент достигла в этой среднеазиатской республике 120 тысяч километров. Продолжаются работы по орошению Голодной степи. На очереди строительство Талимаржанского и Шорсайского водохранилищ. Их ёмкость в два раза превышает все ныне действующие искусственные водоёмы республики.

★  
...в центре Африки, в пустыне Сахаре, живут «синие» люди? Это туареги, удивительнейший народ, забытый историей, предки которого оставили тысячелетия назад таинственные письмена — тифинар — на скалах Тассили и Аира. Живёт это племя в самом центре песчаной пустыни — нагорье Ахаггар. «Синие» люди, как и их предки, занимаются перевозкой соли. Соль готовят в Бильме, где её грузят на верблюдов и большими караванами доставляют на рынки Агадеса. Синими туареги становятся от постоянного ношения полотняных «эресури», выкрашенных красной индиго, отчего кожа их обретает синий оттенок. Мыться в пустыне, естественно, нечем.

★  
...украшение, которое носил человек, живший около 40 тысяч лет назад, найдено при раскопках в Самарканде? Оно изготовлено из ребра животного с пятью насечками и морской раковины с пробитым отверстием. Учёные полагают, что раковина могла попасть в Среднюю Азию с побережья Индийского океана в результате случайного обмена между племенами.

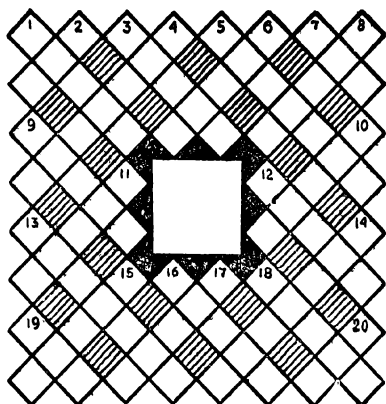
★  
...верблюды могут по два-три месяца обходиться без воды? Промежутки времени между водопоями зависят от ветра, температуры, времени года, пищи, которую ел верблюд, от груза, который он несёт, и времени, которое он проводит в пути. В прохладную погоду, например в Объединённой Арабской Республике, верблюды, питающиеся сочной пищей, могут жить без воды месяцами. При сухой же пище верблюд не выдержит без питья и нескольких дней.

★  
...в зоопарках Англии многочисленных питомцев в течение зимы приучают к... музыке? Дело в том, что с приходом лета в зоопарках появляются обвешанные транзисторами посетители, и звери, ошалев от шума, теряют аппетит.



## КРОССВОРД

(Составил Сережа БОБРОВ, 435-я школа)



Сверху вниз слева направо: 1. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 3. Часть автомашины. 5. Гриб — красивый, но... опасный! 7. Лицо, знакомящее экскурсантов с местными достопримечательностями. 9. Часть корабельного корпуса. 12. Украинский народный танец. 13. Весенний разлив. 16. Ядовитая

Отдел ведёт В. Акентьев



змея жарких стран. 18. Буря на море. 19. Геометрическое тело.

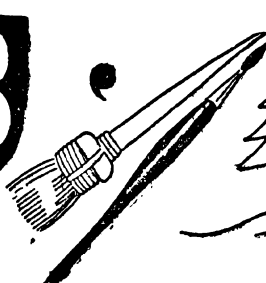
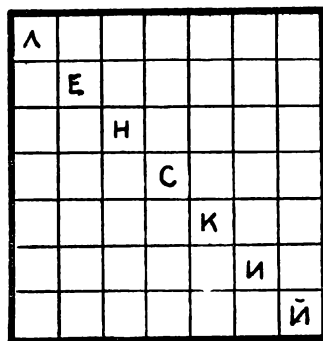
Сверху вниз справа налево: 2. Носовая часть верхней палубы корабля. 4. Выдающийся русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года. 6. Награда победителю в спортивном состязании. 8. Фруктовое дерево из семейства цитрусовых. 10. Великий русский учёный, создавший самый совершенный вид связи. 11. Сельскохозяйственная постройка. 14. Хищник из семейства кошачьих. 15. Герой из произведения А. Сергеевича «Железный поток». 17. Приспособление для подъёма тяжестей. 20. Английская мера длины.

## БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

(Составил Л. ГЕЛЬФАНД)

Впишите в горизонтальные клеточные ряды следующие слова: 1. Народное предание. 2. Известный советский певец, народный артист СССР. 3. Симфония П. И. Чайковского. 4. Музыкальный ансамбль из шести исполнителей. 5, 6. Персонажи из оперы «Пиковая дама». 7. Действующее лицо из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста».

Буквы, уже вписанные в клетки фигуры, должны соответственно войти в найденные вами слова.



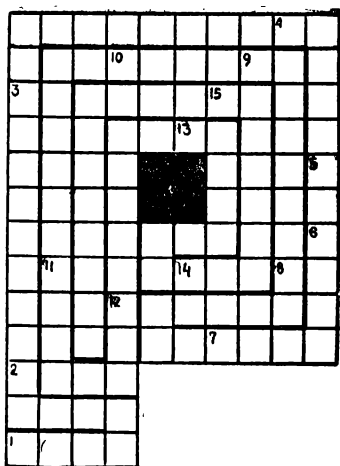
## РЕБУС

В этом ребусе наш читатель А. Кузнецов зашифровал народную пословицу. Постарайтесь разгадать её.



## ЧАЙНВОРД «Р»

(Составил Коля РУНДКВИСТ, 8-я школа)



1. Огнестрельное оружие. 2. Лицо, готовящее к экзаменам. 3. Прибор, воспроизводящий звук путём превращения электрических колебаний в звуковые. 4. Руководитель высшего учебного заведения. 5. Промышленный район в ФРГ. 6. Произведение Н. В. Гоголя. 7. Вместилище для жидкостей и газов в виде бассейна, бака, баллона и др. 8. Руководитель коллектива редакции. 9. Прибор для усиления человеческого голоса. 10. Совокупность ролей, исполняемых артистом. 11. Диалог. 12. Лицо, руководящее постановкой спектакля или кинофильма. 13. Приспособление для автоматического поддержания определённого режима работы установки, механизма. 14. Чертёжный инструмент. 15. Человек, борющийся за социальную справедливость.

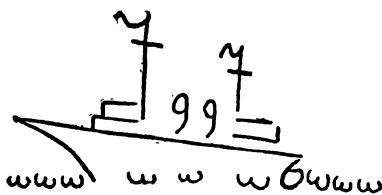
## ШАРАДА

(Составила Валя ЮРИНА, Назия)

Две ноты — первые два слога  
Мой третий слог — предлог...  
А как узнать «итог»?  
Его узнает каждый,  
Услышав звук протяжный.

## ОДНИМИ ЦИФРАМИ

Вот какой красивый кораблик нарисовал Коля Ягунов!..



## Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 3)

### КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Гриф. 4. «Спор». 7. Пион. 9. Афиша. 10. Оплот. 11. Комар. 12. Такт. 14. Дата. 17. Сектор. 18. Сеттер. 20. Тире. 23. Арба. 26. Напор. 28. Бедро. 29. Колба. 30. Тропа. 31. Дека. 32. Гага.

По вертикали: 1. Град. 2. Ирина. 3. Атаман. 5. Пилот. 6. Рота. 7. Пакт. 8. Норд. 12. Трест. 13. Катер. 15. Автор. 16. Арена. 19. Капрон. 21. Индюк. 22. Енот. 23. Арка. 24. Булка. 25. Обод. 27. Рама.

### ХОДОМ КОНЯ

«Волк на псарне».

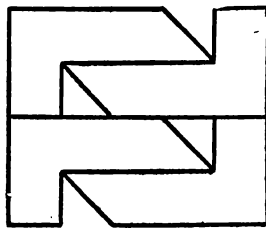
### ШИФРОВКА

Мал золотник, да дорог.

### ВЕСЁЛЫЙ РЕБУС

«Стоял капитан на носу, корабль наскочил на косу...»

### НА РАВНЫЕ ЧАСТИ



Решение смотрите на рисунке.

### ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

Чёрен, а не ворон, рогат, а не бык (жук).

## СО Д Е Р Ж А Н И Е

|                                                                                                    |    |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| День рождения. Стихотворение О. Бешенковской . . . . .                                             | 1  |
| На нашей улице. Рассказ Ив. Смирнова . . . . .                                                     | 2  |
| Грач. Стихотворение М. Ольшанского . . . . .                                                       | 6  |
| Ленинский броневик. Статья Эд. Аренина . . . . .                                                   | 7  |
| Родная земля. Стихотворение Иосифа Курлата . . . . .                                               | 10 |
| Памятник вождю. Статья В. Матафонова . . . . .                                                     | 11 |
| Что получится. Стихотворение Льва Гаврилова . . . . .                                              | 15 |
| Мы весёлые ребята. Пьеса Ю. Томина . . . . .                                                       | 16 |
| «Премьер». Стихотворение С. Когана . . . . .                                                       | 29 |
| Солдаты. Рассказ Якова Длуголенского . . . . .                                                     | 30 |
| Мальчишка с собакой. Рассказ Вильяма Козлова . . . . .                                             | 39 |
| Шашки — мать шахмат. Статья Ю. Барского и Б. Герцен-<br>зона . . . . .                             | 48 |
| Таким был Циолковский . . . . .                                                                    | 52 |
| Василько. Рассказ И. Фахрутдинова . . . . .                                                        | 56 |
| Пёстрые заметки . . . . .                                                                          | 60 |
| Клуб смекалистых ребят . . . . .                                                                   | 62 |
| На 1-й странице обложки рисунок художника Н. Жукова                                                |    |
| «Рассказ о будённовцах».                                                                           |    |
| На 2-й странице обложки фотозтюд Г. Копосова «А была<br>вся улица в снегу». (Фотохроника ЛенТАСС). |    |
| На 3-й странице обложки фоторепортаж Г. Сафонова «Весна<br>идёт, весне — дорогу!».                 |    |
| На 4-й странице обложки загадочная картинка художника<br>А. Курушина «Не заблудись в космосе!»     |    |

**Редактор В. Л. БИАНКИ**

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

---

М-09152. Сдано в набор 23/II 1967 г. Подписано к печати 6/IV 1967 г. 4 печ. л.  
Заказ № 319. Формат бумаги 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Цена 10 коп. Тираж 74900 экз.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

весна



идёт



весне



дорогу



ЛЕШЕШЬ К ПЛАНЕТАМ - ДЕЛО НЕ ПРОСТОЕ.

ЗАБЛУДИШЬСЯ В КОСМИЧЕСКОЙ ДАЛИ.

ГДЕ ТУП

СОЗВЕЗДИЕ КАКОЕ? ОПРЕДЕЛИ!